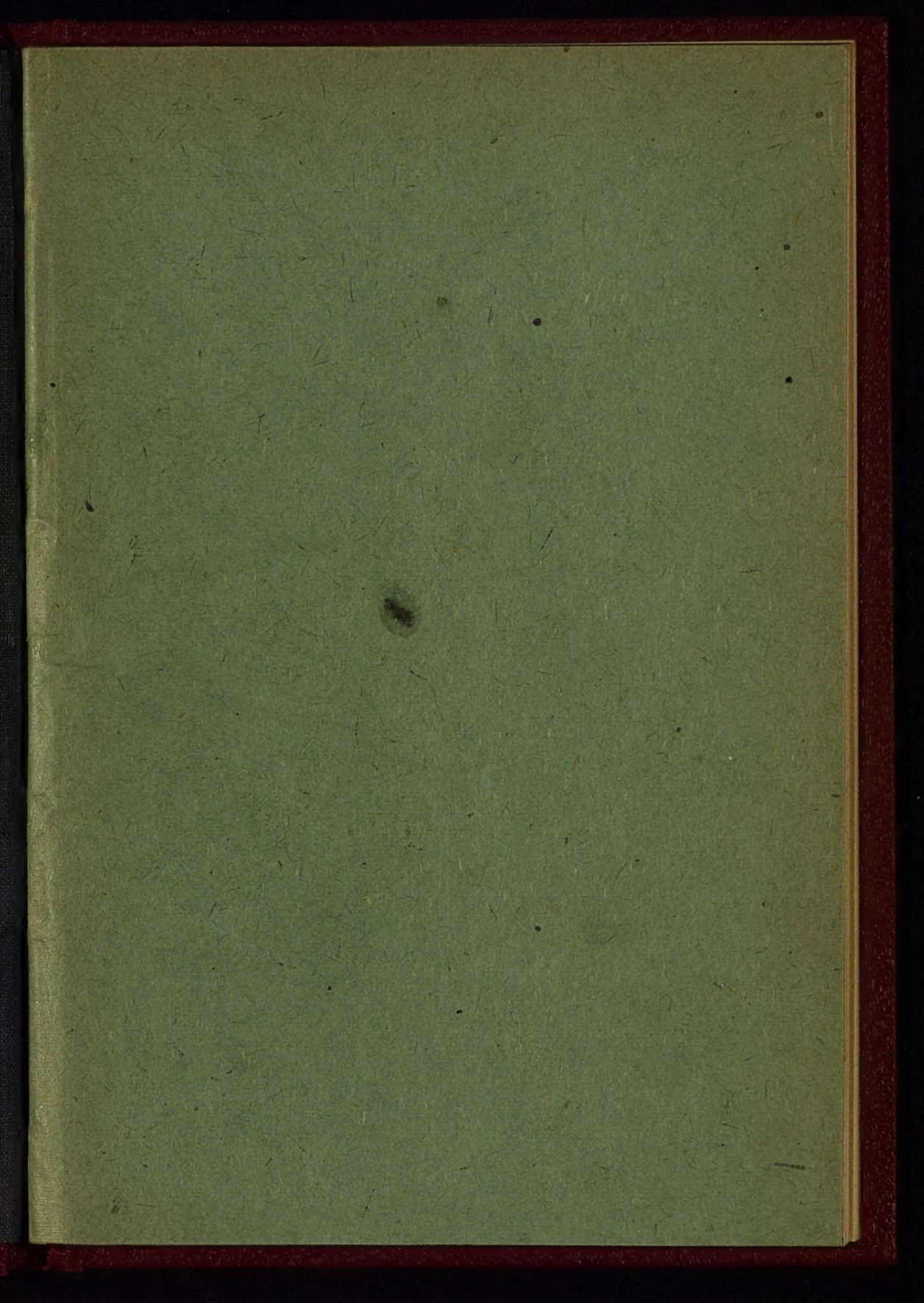

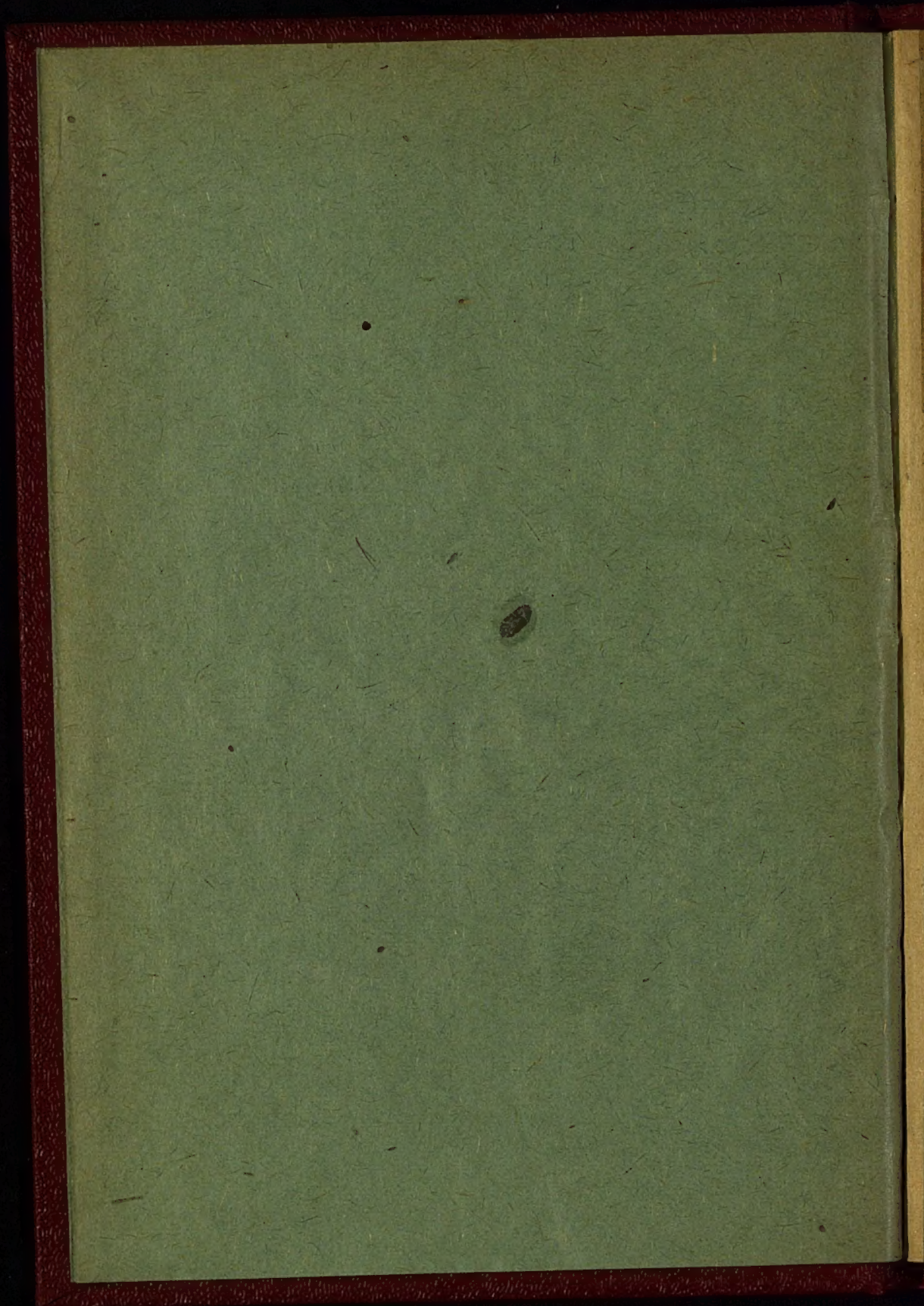
Кибальчин Н.И.

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ЦГТ
К469

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

ЦІОНЕРЫ.

Кибальчичъ, Н. Ч.

2 экз.

ИВАНОВИЧЪ

КИБАЛЬЧИЧЪ.

Типографія Партіи Соціалістовъ - Револуціонеровъ.

1903 г.

2 экз.

Schmid

ение об «отказе»

Нет в
библиотеке

та

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

РУССКІЕ РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ.

ЦГТ

K469

II.

Николай Ивановичъ
КИБАЛЬЧИЧЪ.

Типографія Партіи Соціалістовъ - Революціонеровъ.

1903 г.

2 10 93

Schmid

1/10/10
J. Schmitt

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ - РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

РУССКІЕ РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ.

II.

Н и к о л а й ~~И~~ в а н о в и ч ъ
К И Б А Л Ь Ч И Ч ъ.

×

Типографія Партіи Соціалістовъ - Революціонеровъ.

1903 г.

М

К.

ЦГ 7

K469

24/6
412012

83

2010

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

**НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ
КИБАЛЬЧИЧЪ.**

(МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ.)

Я ничего не знаю о первыхъ годахъ жизни Николая Кибальчича, знаю только, что по происхожденію онъ малороссъ и до конца дней сохранилъ нѣкоторый отпечатокъ украино-фильскихъ тенденцій. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ былъ студентомъ Мед. Хир. Академіи и все возился съ разными студенческими кружками самообразованія, устраивалъ рефераты по политической экономіи и т. п. Но, вообще, въ это время онъ не имѣлъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ и политикой не занимался. Въ 1875 году (на III курсѣ, кажется,) одна знакомая барышня, опасаясь обыска, попросила Кибальчича взять къ себѣ только что полученный изъ - заграницы тюкъ съ книгами. Кибальчичъ взялъ; но черезъ день или два у него самого произошелъ обыскъ, поводомъ къ которому послужила данная имъ когда-то мимоходомъ книжка крестьянину. Онъ просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи около 3-хъ лѣтъ, а по суду, состоявшемуся весною 1878 года, приговоренъ былъ къ 2-хъ мѣсячному аресту.

Тюрьма сильно разстроила здоровье Кибальчича, онъ смотрѣлъ совсѣмъ измученнымъ и долго не могъ отдышаться. До осени 1878 г. онъ не принималъ никакого участія въ какой бы то ни было общественной дѣятельности. Въ это время онъ много работалъ, читалъ, учился и, между прочимъ, принялся изучать взрывчатые вещества, — замѣчательно, что въ это время очень многіе, совершенно независимо другъ отъ друга, обратили вниманіе на этотъ предметъ. При своей способности работать, Кибальчичъ скоро убѣдился, что — при надобности — динамитъ можетъ составить весьма практичное подспорье въ революціонной борьбѣ. Весною 1878 года Кибальчичъ розыскалъ А. Кватковского (покойнаго), сообщилъ

свои соображенія и предложилъ ему свои услуги. Въ то время они, однако, вовсе не были нужны. Кибальчичъ все таки продолжалъ работать. Весною 1879 г. онъ сталъ понемногу сближаться съ радикалами, даже принималъ нѣкоторое участіе въ ихъ агитаціи. Такъ, напримѣръ, онъ состоялъ нѣкоторое время въ одномъ молодомъ кружкѣ, непосредственно подчиненномъ Исполнительному Комитету, и выдвинувшемъ въ послѣдствіи 5-6 человекъ извѣстныхъ террористовъ.

Впрочемъ, ни агитація, ни организація не были дѣломъ Кибальчича. По складу своего ума, по своимъ наклонностямъ, это былъ скорѣе кабинетный ученый, чѣмъ революціонеръ-практикъ. За книгами, за выкладками въ лабораторіи — вотъ его сфера. Въ теоретической области соображенія являлись у него быстро одно за другимъ; каждое научное явленіе его чрезвычайно интересовало, возбуждало его пылливость. Здѣсь онъ со всякими затрудненіями справлялся легко и быстро. Но для практической жизни онъ совсѣмъ не годился. Вѣчно мысленно занятый разными соображеніями по вопросамъ социологіи, механики, пиротехники и т. д., онъ въ практической жизни былъ постоянно разсѣянъ, неловокъ, а потому не въ состояніи былъ слѣдить за всѣми мелочами радикальной сутолоки, да и вовсе не любилъ ихъ. Въ умственномъ отношеніи онъ былъ человекъ вполне самостоятельный и стоялъ выше многихъ, но, по своей безконечной добротѣ, мягкости и непрактичности, совсѣмъ не могъ вести людей за собою. Его всѣ уважали, каждый съ уваженіемъ относился къ его мнѣніямъ, пока они не выходили изъ сферы чисто научной, но въ вопросахъ партійной политики онъ былъ невиненъ, какъ дитя.

При возникновеніи «Народной Воли», Кибальчичъ съ самаго начала раздѣлялъ ея тенденціи и проводилъ ихъ очень умно и успѣшно; онъ также писалъ и въ «Народной Волѣ» (подъ псевдонимомъ Дорошенко). Но формированіе партіи требовало не только убѣжденій, а также извѣстной практической сноровки, которой Кибальчичъ не имѣлъ и не хотѣлъ имѣть. Ему по натурѣ была противна всякая дипломатія, — отчасти поэтому онъ въ сѣздахъ 1878 года вовсе не участвовалъ и не игралъ въ нихъ никакой роли; но онъ съ величайшей охотой принялъ на себя завѣдыванье лабораторіей Исполнительнаго Комитета и занимался этимъ дѣломъ до самой смерти.

Какъ техникъ—рабочій, Кибальчичъ былъ не особенно ловокъ. Разумѣется, онъ могъ сдѣлать и дѣлалъ все, но въ его работѣ не было той тонкости, артистичности, которой отличались нѣкоторые другіе его товарищи по дѣлу. За то, какъ теоретикъ, Кибальчичъ, можно сказать, не имѣлъ себѣ соперниковъ. Прекрасно владѣя французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками (что онъ усвоилъ самоучкой), онъ пере-

читалъ чуть ли не всю литературу по этому вопросу. Голова у него была чрезвычайно изобрѣтательная, а масса свѣдѣній давала изобрѣтательности обильную пищу. У него всегда готовы были десятки комбинацій минъ, бомбъ, разныхъ взрывчатыхъ веществъ и т. д., которыя онъ могъ приспособить ко всякимъ условіямъ: что дешевле, что легче купить, что годится болѣе для воды, что занимаетъ наименьшій объемъ, что не должно превысить извѣстной сферы разрушенія — всѣ эти вопросы легко разрѣшались имъ (не въ обиду будь сказано правительственнымъ техникамъ, они могли бы многому поучиться у Кибальчича, — при своей громадной эрудиции, онъ болѣе двухъ лѣтъ имѣлъ на рукахъ превосходную лабораторію и такой рядъ опытовъ, какого даже приблизительно не имѣли эксперты, спорившіе съ Кибальчичемъ на судъ). Онъ превосходно ознакомился со всѣми свойствами нитроглицериновыхъ препаратовъ и достигъ истинной артистичности въ пользованіи ими. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что изобрѣтеніе снарядовъ (ихъ, собственно, нужно считать, не одинъ десятокъ) никогда не принадлежало въ лабораторіи всецѣло одному лицу. Они разрабатывались коллективно, подробности совершенствовались, по указаніямъ опыта, по идеѣ разныхъ лицъ. Кибальчичу, большею частью, принадлежала общая идея препарата или снаряда, но разныя частности не рѣдко придумывались другимъ лицомъ. Надо замѣтить также, что остановившись на нитроглицеринѣ, какъ на почти предѣльномъ (по теоріи) взрывчатомъ веществѣ, Кибальчичъ все таки имѣлъ нѣсколько излюбленныхъ проектовъ относительно нѣкоторыхъ другихъ веществъ, еще вовсе не изслѣдованныхъ, и названій которыхъ я не могу вспомнить. Онъ все мечталъ при случаѣ испробовать и ихъ.

Работа по лабораторіи поглощала почти все время Кибальчича. Всѣ эти два года онъ провелъ въ разныхъ мѣстахъ, но постоянно занимаясь, — читалъ, дѣлалъ опыты, наконецъ, исполнялъ заказы Исполнительнаго Комитета. Онъ также занимался денежной работой (литературною), и много читалъ по исторіи, социологіи, политической экономіи. Онъ обладалъ очень хорошою памятью и быстрымъ соображеніемъ. Только при такихъ условіяхъ ему и удавалось слѣдить за наукой, при такомъ незначительномъ количествѣ свободнаго времени. Писалъ Кибальчичъ легко и очень хорошо, но мало, — по недостатку времени.

Въ личной жизни это былъ чрезвычайно симпатичный человекъ. Вѣчно занятый высшими философскими или техническими вопросами, онъ былъ на тысячу верстъ отъ всякихъ жизненныхъ мелочей, не интересовался ими и вполнѣ ихъ игнорировалъ. Онъ какъ будто не могъ представить себѣ, чтобы его кто-нибудь могъ обидѣть и эксплуатировать: что

ни попроси его — онъ все сдѣлаетъ, никогда не думая, что его, можетъ быть, заставляютъ дѣлать только по собственной лѣнности, или берутъ у него деньги, нуждаясь меньше, чѣмъ онъ самъ. Такія соображенія были ему совершенно чужды. Вѣчное витаніе въ высшихъ сферахъ и страшная разсѣянность въ житейскихъ дѣлахъ часто давали поводъ, особенно барышнямъ, къ разнымъ шалостямъ и проказамъ на его счетъ, но Кибальчичъ, большею частью, даже не замѣчалъ этого, а когда, наконецъ, догадывался, что съ нимъ соорили штуку, то относился къ этому самымъ добродушнымъ образомъ и, при общемъ хохотѣ, начиналъ пресерьезно объяснять, что настоящій случай доказываетъ только, насколько легкомысленны женщины, и какими пустяками онъ способенъ интересоваться. Не знаю, обижался ли онъ когда-нибудь, хоть разъ въ жизни. Впрочемъ, на него и нападать серьезно можно было только по поводу заоблачности. Помню, разъ сошлась у него въ квартирѣ голодная-преголодная компанія. Собрали всѣ свои копѣйки изъ всѣхъ кармановъ и попросили Кибальчича, какъ хозяина, сходить купить что-нибудь. Онъ пошелъ — и принесъ французскій хлѣбъ и нѣсколько фунтовъ какой-то ягоды. А между тѣмъ вѣдь и самъ былъ не ѣвши цѣлый день. «Правда я не сообразилъ хорошенько: вѣдь вы навѣрно еще не ѣли ягодъ въ этомъ году. Я увидѣлъ — очень хороши, ну, и купилъ», — оправдывался онъ. Другой разъ, онъ очень разгнѣвалъ свою хозяйку, истративши всѣ имѣвшіяся деньги (два рубля), — при полной невозможности достать ихъ гдѣ бы то ни было, — на покупку какихъ то банокъ для своихъ опытовъ. Такихъ приключеній у него было не мало.

Не смотря на массу занятій, Кибальчичъ имѣлъ довольно большія знакомства. Онъ легко сходилъ съ людьми, и, рѣдко видаясь, умѣлъ однако сдѣлаться хорошимъ знакомымъ. Онъ внушалъ къ себѣ довѣріе и симпатію и былъ очень интереснымъ собесѣдникомъ, какъ человекъ умный, начитанный, слѣдящій за всѣми явленіями общественной жизни, политики, науки и даже искусства. Каждый находилъ о чемъ потолковать съ нимъ. За послѣднее время онъ почувствовалъ стремленіе принять болѣе живое участіе въ партійной организаціи, сталъ расширять свои знакомства, задумалъ рядъ публицистическихъ статей, систематически развивающихъ программу партіи, но преждевременный конецъ помѣшалъ осуществленію этихъ плановъ.

Что касается его проэкта воздухоплавательной машины, то, если не ошибаюсь, онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Всѣ нынѣ употребляемые двигатели (паръ, электричество и т. д.) недостаточны сильны для того, чтобы направлять воздушные шары. Идея Кибальчича состояла, кажется, въ томъ, чтобы замѣнить существующіе двигатели какимъ-нибудь взрывчатымъ

веществомъ, вводимымъ подъ поршень. Сама по себѣ, эта идея, насколько мнѣ извѣстно, не нова; но здѣсь важны подробности: какое вещество вводится, при какихъ условіяхъ и т. д. Будетъ, конечно, очень жаль, если инквизиторская ревность правительства заставитъ его сражаться даже съ мертвымъ врагомъ и похоронить вмѣстѣ съ нимъ его, можетъ быть, въ высшей степени важное изобрѣтеніе. Но всего вѣроятнѣе, конечно, что оно будетъ просто украдено, — благо протеста съ того свѣта никто не услышитъ.

Знающіе Кибальчича не могутъ удивляться его философски-спокойной кончинѣ. Онъ не былъ ни на іоту боевымъ человекомъ, онъ не способенъ былъ поднять руку на себѣ подобное существо, онъ не могъ быть и хладнокровнымъ въ такую минуту, когда приходится сражаться. Но, при его глубокомъ убѣжденіи въ правотѣ своего дѣла, при его способности сливаться всей душой съ любимой идеей, онъ, конечно, могъ спокойно глядѣть въ глаза смерти, болѣе спокойно, чѣмъ большинство другихъ людей. И наканунѣ смерти, его, какъ извѣстно, тревожила только судьба его проекта воздухоплаванія, какъ Архимеда — судьба его круговъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. КИБАЛЬЧИЧѢ.

(1877 — 1880 г.)

Изъ моей памяти никогда, вѣроятно, не изгладятся всѣ мельчайшія подробности первой встрѣчи и знакомства съ Кибальчичемъ. Правда, за періодъ нашего революціоннаго движенія такія встрѣчи бывали очень часто, но для меня обстановка ея была тогда въ новинку: я познакомился съ нимъ въ Киевскомъ Тюремномъ Замкѣ, куда меня привели 7-го сентября 1877 г.

Очутившись предъ вечеромъ въ камерѣ, гдѣ, кромѣ матра-са на полу и «параши», ничего больше не было, я тотчасъ же услышалъ долетавшій до меня со всѣхъ сторонъ шумный говоръ. Сперва мнѣ трудно было разобрать, доносился-ли онъ со двора или изъ корридора; но вскорѣ послышались крики: «Новичекъ! Новичекъ! На окно!» Я попробовалъ было взобраться на него; но всѣ мои усилія оказались тщетными. «Не могу!... Высоко!...» кричалъ я изо всѣхъ силъ, такъ какъ разговаривавшій со мною голосъ все повторялъ: «Не слышу! Громче!» Наконецъ, онъ догадался, въ чемъ дѣло: «подставьте парашу!» послышалось со двора. Послѣдовавъ этому совѣту, я очутился на подоконникѣ и увидѣлъ въ окнѣ противоположнаго крыла тюрьмы темныя очертанія человѣческой фигуры. «Кто вы? По какому дѣлу? Откуда васъ привели?» — былъ я засыпанъ вопросами. Отвѣтивъ на нихъ, я также спросилъ, кто онъ, и узналъ, что то былъ Н. Кибальчичъ.

Начавшееся, такимъ образомъ, знакомство на окнѣ, продолжалось мѣсяца два при тѣхъ же обстоятельствахъ. Я въ это время не зналъ ни его физіономіи, ни даже голоса, такъ какъ, разговаривая чрезъ довольно обширный тюремный дворъ и при шумѣ со всѣхъ сторонъ, намъ приходилось выкрикивать фразы чуть не по отдѣльнымъ слогамъ, да и то только по вечерамъ, когда уголовные укладывались спать. Правда, Кибальчичъ, — пользовавшійся, въ качествѣ старожилы, правомъ гулять по двору, — забѣгалъ иногда (днемъ, конечно) на мой корридоръ и — улучивъ удобную минуту, когда всегда стоявшій у моей камеры часовой зазѣвается, — наскоро вбрасывалъ въ продѣланное въ двери отверстіе записочку отъ моего товарища по одному дѣлу, который сидѣлъ съ нимъ на одномъ корридорѣ, — но и въ этихъ случаяхъ разсмотрѣть его физіономію я, конечно, не могъ. Длинные, теоретическія бесѣды

при такихъ обстоятельствахъ были почти немислимы. Въ это время я узналъ только подробности его дѣла, изъ-за котораго онъ сидѣлъ уже около трехъ лѣтъ по разнымъ тюрьмамъ.

Будучи студентомъ Мед. Хир. Акад., Кибальчичъ весною 1875 года отправился на каникулы въ Черниговскую губернію къ отцу своему, сельскому священнику (Нѣжинскаго уѣзда). Среди медицинскихъ книгъ, у него, какъ у большинства студентовъ тѣхъ лѣтъ, завалылась какая-то запрещенная книжка. Не задаваясь специальной цѣлью вести пропаганду, онъ, однако, сталкиваясь съ односельчанами, далъ эту книжку одному изъ нихъ, выразившему желаніе почитать что-нибудь. По окончаніи каникулъ, Кибальчичъ возвратился къ своимъ занятіямъ въ Мед. Хир. Акад., совсѣмъ забывъ объ участи той книжки. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, кто-то изъ знакомыхъ попросилъ его оставить у себя на ночь запечатанный тюкъ съ книгами. Кибальчичъ согласился. Утромъ, на слѣдующій день ему въ Академіи сообщили, что полиція справлялась о немъ. Предполагая, что дѣло въ лежащемъ у него на квартирѣ тюкѣ, онъ не колеблясь отправился домой, заранѣе обдумывая для полиціи объясненія. Въ дѣйствительности же поводомъ къ обыску у него послужилъ не тюкъ, а данная имъ на родинѣ книжка. Крестьянинъ, по прочтеніи, далъ ее другому, тотъ — третьему, и осенью, когда Кибальчичъ былъ уже въ Академіи, она очутилась у властей. Посидѣвъ, послѣ обыска, мѣсяца два въ III Отдѣленіи, побывавъ въ разныхъ пересыльных тюрьмахъ, Кибальчичъ для разслѣдованія всѣхъ подробностей «преступной пропаганды», былъ привезенъ въ черниговскую тюрьму, откуда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, препровожденъ въ Кіевскій тюремный замокъ, гдѣ, въ ожиданіи суда надъ собою изъ-за несчастной книжки, сидѣлъ уже около двухъ лѣтъ, когда я съ нимъ познакомился.

До дня ареста, почти исключительно занимаясь науками и мало — или вѣрнѣе — вовсе не участвуя въ социалистическихъ кружкахъ, Кибальчичъ совсѣмъ не подозрѣвалъ, сколь великое преступленіе кроется въ совершенномъ имъ на родинѣ поступкѣ. «Я все время думалъ, выкрикивалъ онъ мнѣ съ окна, — что дѣло мое окончится скоро и пустяками; но слѣдователь недавно заявилъ мнѣ, что за мои злодѣйскія дѣянія мнѣ грозитъ отъ 4—10 лѣтъ каторги». Къ этой перспективѣ онъ, однако, относился крайне легко, равнодушно какъ-то и интересовался, главнымъ образомъ, тѣмъ, есть-ли въ централкахъ возможность заниматься чтеніемъ.

Мѣсяца черезъ два я былъ переведенъ на одинъ корридоръ съ Кибальчичемъ. Здѣсь намъ представлялась уже полная возможность вести длинныя бесѣды и хорошо познакомиться другъ съ другомъ. Стоя у дверей и приставивъ губы къ отверстіямъ, продѣланнымъ въ нихъ для наблюденія за заклю-

ченными, мы могли теперь разговаривать обыкновеннымъ голосомъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Здѣсь также легко удавалось видѣть фizioноміи другъ друга.

Помню, разслышавъ въ первый разъ, что ключникъ, открываетъ его камеру, я подбѣжалъ къ дверямъ и приставилъ глазъ къ отверстію; но онъ, проходя мимо, сдѣлалъ тоже, почему мы оба, конечно, ничего не видѣли. «Сперва вы покажите себя»,—сказалъ онъ, не отходя отъ дверей. «Нѣтъ вы сперва»,—говорилъ я. Наконецъ, мы дали другъ другу возможность рассмотреть себя, отступая по очереди на нѣсколько шаговъ.

Кибальчичу тогда было двадцать три—четыре года; средняго роста, съ небольшою темнорусою бородкою, блѣднымъ и очень умнымъ лицомъ, онъ скоро и легко возбуждалъ къ себѣ симпатію. Какъ это всегда бываетъ въ тюрьмахъ, сближеніе наше шло быстро. Мы часто бесѣдовали, рассказывали другъ другу о своемъ прошломъ, вели теоретическіе споры.

Нужно замѣтить, что я, какъ и большинство южанъ тогда, принадлежалъ къ такъ называемымъ «бунтарямъ», Кибальчичъ же, попавшій въ тюрьму почти безъ опредѣленно сложившихся убѣжденій, тамъ лишь сдѣлался «лавристомъ».

Кибальчичъ, какъ казалось мнѣ въ тюрьмѣ, по темпераменту скорѣе всего былъ флегматикъ. Это бросалось въ глаза при первомъ взглядѣ на него, при первыхъ произносимыхъ имъ словахъ. Онъ говорилъ до того медленно, растягивая чуть ли не каждый слогъ, что на мало знакомаго производилъ не совсѣмъ благоприятное впечатлѣніе; въ фizioноміи его также почти никогда — за исключеніемъ очень экстренныхъ случаевъ — незамѣтно было никакого оживленія, никакой игры. Не удивительно поэтому, что многіе принимали его за чловѣка апатичнаго, сонливаго; а нѣкоторыхъ, особенно радикаловъ, не на шутку даже раздражала его манера говорить. Но рядомъ съ этимъ, также бросались въ глаза его простота, мягкость и добродушіе. За все время знакомства съ нимъ, я не помню его въ дурномъ настроеніи, не потому, конечно, чтобы оно не бывало у него, а потому скорѣе, что онъ ничѣмъ внѣшнимъ не выражалъ его. Также, впрочемъ, трудно было разобрать, когда онъ былъ веселъ, доволенъ чѣмъ-нибудь. Когда, во время нашего пребыванія въ тюрьмѣ, случались важныя событія, вызывавшія во всѣхъ заключенныхъ безграничную радость, Кибальчича нужно было спросить, доволенъ-ли и онъ, чтобы убѣдиться, какое на него впечатлѣніе произвелъ данный отраднѣйшій фактъ. Такъ, когда получилось извѣстіе объ оправданіи Вѣры Засуличъ, мы заключенные прыгали по камерамъ, выскакивая на корридоръ, обнимались другъ съ другомъ, Кибальчичъ же и въ этотъ даже разъ оста-

вался, какъ всегда, ровнымъ, спокойнымъ, съ обыкновенной своей улыбкой на лицѣ.

— Ну, а вы же, Николай, чего не радуетесь? приставали мы къ нему.

— Какъ не радуюсь! я очень радъ! Это хорошо, — очень хорошо! по обыкновенію медленно растягивалъ онъ.

Помню, впрочемъ, случай, когда онъ самъ выразилъ свою радость. Какъ-то разъ вечеромъ, стоя у дверей, я рассказывалъ ему и другимъ, что нѣкоторые «бунтари» (южные и сѣверные) еще съ 74 года, узнавъ о свойствахъ нитроглицерина, начали строить планы, какъ разомъ взорвать всю царскую фамилію, чтобы, такимъ образомъ, какъ тогда думалось, дать сигналъ ко всеобщей революціи въ Россіи. Услыхавъ объ этомъ, Николай совсѣмъ пришелъ въ восторженное состояніе:

— Вотъ-бы хорошо! Вотъ-бы прелестно! восклицалъ онъ. — Вѣдь, знаете, такое дѣло вполне выполнимо. Почему же не займуться имъ серьезно? — спрашивалъ онъ съ замѣтной радостью и — на этотъ разъ — произнося слова нѣсколько быстро, чѣмъ обыкновенно.

Я сообщилъ ему, что ничего не выйдетъ изъ этого дѣла, такъ какъ за него взялись ненастойчивые, неумѣлые люди, которые вотъ уже три года носятся со своими планами, а они ни на шагъ не подвинулись впередъ.

— Вотъ не пойдѣ я на каторгу, я непременно занялся бы изученіемъ свойствъ нитроглицерина, — произнесъ онъ съ нѣкоторою грустью въ голосъ.

Его отношеніе къ этому плану меня тогда, признаться, очень удивило, — я не предполагалъ, чтобы онъ сочувствовалъ такимъ революціоннымъ фактамъ и, вообще, «преждевременнымъ» революціямъ. Я думалъ, что онъ признаетъ полезность революцій лишь въ «отдаленномъ будущемъ», когда, по выраженію лавристовъ, «большинство русскаго народа будетъ поднято до социалистическаго уровня», или «чрезъ тысячелѣтіе», — какъ мы тогда смѣялись надъ ними. Но я, оказалось, ошибся относительно Кибальчича. По натурѣ онъ, дѣйствительно, не былъ яримъ революціонеромъ, — онъ не рвался бы на отчаянныя, удалыя предпріятія, не находилъ-бы, быть можетъ, удовольствія въ самой опасности, въ боевомъ огнѣ, какъ это у нѣкоторыхъ бываетъ, — но онъ несомнѣнно былъ революціонеръ по мысли, по убѣжденіямъ и къ тому же — безусловно смѣлый человѣкъ, равнодушный къ опасности, не останавливающійся передъ нею или, вѣрнѣе — вовсе о ней не думающій. Мирная, спокойная дѣятельность изо дня въ день, конечно, болѣе соответствовала его темпераменту, чѣмъ бурная, кипучая; но, сознавая все значеніе революціонныхъ фактовъ, глубоко вѣря въ ихъ результатность, онъ, поэтому, сочувствовалъ имъ, а въ послѣдствіи и помогалъ ихъ совершенію.

Совѣмъ непрактичный въ отношеніи дѣлъ и людей, онъ подчасъ казался даже оптимистомъ. Правда, онъ не строилъ очень радужныхъ, совѣмъ не выполнимыхъ плановъ, но все же онъ склоненъ былъ во многомъ видѣть лучшее, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Такъ, не смотря на довольно слабое сложеніе, онъ рассчитывалъ, что, безъ ущерба для своего здоровья, вынесетъ предстоящій ему срокъ каторги, а, по его окончаніи, если будетъ отправленъ на поселеніе въ Сибирь, предполагалъ заняться фельдшерствомъ, — онъ былъ студ. медикомъ III курса. Поэтому, сидя въ кievской тюрьмѣ, онъ все время продолжалъ теоретическое изученіе медицины и хлопоталъ у властей о разрѣшеніи ему—для практики—посѣщать тюремную больницу. Но разрѣшенія онъ никакъ не могъ добиться: начальство, не смотря на всѣ его разуверенія, опасалось, что онъ будетъ заниматься пропагандой между больными (уголовными) арестантами.

Но особенно оптимистомъ онъ былъ въ отношеніяхъ къ людямъ. О всѣхъ, съ кѣмъ онъ близко сталкивался, онъ былъ хорошаго мнѣнія, хотя и не превозносилъ никого до небесъ, не приходилъ ни отъ кого въ особенный восторгъ. Онъ со всѣми въ тюрьмѣ—какъ впоследствии на волѣ — былъ одинакого хорошъ, ровень, со всѣми жилъ въ мирѣ (насъ было въ тюрьмѣ человѣкъ около 20-ти). Я рѣшительно не зная случая, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь серьезно поспорилъ, поругался, и думаю, во всю его жизнь съ нимъ не было такого случая. Всегда спокойный, уступчивый, онъ даже тюремнымъ властямъ спускалъ тамъ, гдѣ другой поднялъ-бы бунтъ. Рассказывали, что былъ такой случай — еще до того, какъ насъ съ товарищами привели:—гуляя по двору, онъ, не замѣтивъ смотрителя, не поклонился ему; за что тотъ на него раскричался; Кибальчичъ же, хладнокровно выслушавъ его нападки, сталъ лишь спокойно излагать ему, что это случилось неумышленно. Но во время общихъ протестовъ, «тюремныхъ бунтовъ», — которые, съ нашимъ приходомъ, бывали часто, благодаря чему мы добились многихъ льготъ, — Кибальчичъ, конечно, не отставалъ отъ компаніи, хотя и никогда не выдвигался впередъ.

Внѣ прогулокъ по двору, онъ всегда занимался чтеніемъ. Онъ не набрасывался съ жаромъ ни на что и также не топясь брался за медицинскую книгу, какъ и переходилъ къ учебнику новаго языка или—къ «Капиталу» Маркса, который имѣлъ при себѣ. Онъ одинаково, кажется, интересовался всѣми науками, изученію всего способенъ былъ отдаться. Поэтому, не удивительно, что Киб. мы всегда видѣли сидящимъ за книгой даже въ тюрьмѣ, — гдѣ, какъ извѣстно, на многихъ часто находятъ полнѣйшее ко всему равнодушіе, апатія, и

цѣлые часы, а то и дни, заключенные проводятъ въ лежаніи на койкѣ или шаганіи по крошечной камерѣ.

Даже прогулки по двору онъ утилизировалъ не въ одномъ только гигиеническомъ отношеніи. Въ эти часы онъ знакомился съ бытомъ уголовныхъ, старался сойтись съ ними и, на сколько было возможно, занимался, конечно, среди нихъ пропагандой. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ въ близкихъ, даже товарищескихъ отношеніяхъ, и, благодаря его—какъ и другихъ политическихъ—вліянію, нѣсколько человѣкъ изъ числа уголовныхъ сдѣлались вполне сознательными социалистами, напр. Рошко, Овчинниковъ и др.*). Вообще говоря, Кибальчичъ, вслѣдствіе своей манеры говорить, не годился въ пропагандисты, а тѣмъ болѣе—агитаторы; но своей добротой, умомъ и начитанностью онъ привлекалъ къ себѣ, и возбуждалъ интересъ въ собесѣдникахъ.

Въ тюрьмѣ мы пробыли съ Кибальчичемъ вмѣстѣ 6—7 мѣсяцевъ. Вскорѣ, послѣ процесса 193-хъ, его, наконецъ, повезли на судъ въ Петербургъ. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до его отправки, можно было видѣть—по, сравнительно съ прежними, мягкому приговору Особ. Прис. по Большому Процессу,—что дѣло Кибальчича окончится пустяками. Но, прощаясь съ нимъ, мы все же высказывали надежду встрѣтиться только когда нибудь на каторгѣ—въ тѣ блаженные времена еще не было висѣлицъ—такъ какъ мы-то ужъ вовсе не могли рассчитывать такъ же очутиться скоро на волѣ.

Просидѣвъ около трехъ лѣтъ въ предварительномъ заклю-

*) Рошко (еще съ однимъ бывшимъ уголовнымъ), переодѣвшись въ жандармское платье, явился въ харьковскую тюрьму съ предписаніемъ будто-бы отъ жандармскаго правленія, на мѣреваясь такимъ образомъ освободить Гомина, но былъ узнанъ, вслѣдствіе доноса, и тутъ же арестованъ. За эту попытку онъ весною 1879 г. приговоренъ Харьк. Военно-Окружнымъ Судомъ къ каторжнымъ работамъ на 20 л. Овчинниковъ—за убійство шпіона и другіе террористическіе поступки приговоренъ былъ въ Кіевѣ (также весною 1879 г.) къ смертной казни, которую военный судъ, не смотря на его просьбы «не миловать его,» замѣнилъ ему вѣчной каторгой. На судѣ онъ произнесъ превосходную рѣчь (см. «Народ. Волю» №1.), въ которой, между прочимъ, выразилъ свою глубокую благодарность пропагандистамъ, превратившимъ его изъ уголовного арестанта въ сознательнаго социалиста. (Къ сожалѣнію, каторги Овчинниковъ не выдержалъ и черезъ нѣсколько времени вновь превратился въ человѣка, далекаго не только отъ социалистической, но и всякой морали).

ченіи, свикшись уже съ мыслью и совѣмъ собравшись отправиться въ централку, Кибальчичъ, по суду, дѣйствительно приговоренъ былъ всего къ двухмѣсячному заключенію, и такимъ образомъ, весною 1878 г. онъ пользовался уже свободой. Въ концѣ мая того же года я съ товарищами—еще болѣе неожиданно и внезапно—также очутился на волѣ и вскорѣ отправился въ Петербургъ.

Легко себѣ представить нашу общую радость при первой встрѣчѣ,—мы были на волѣ, въ саду (мы встрѣтились въ Лѣсномъ), внѣ тюремныхъ стѣнъ. Мы долго какъ бы не вѣрили своимъ глазамъ, что это въ дѣйствительности, на яву... «Такъ мы не на каторгѣ! И какъ скоро встрѣтились!...» поминутно радостно восклицалъ каждый изъ насъ. Мы, конечно, долго предавались тюремнымъ воспоминаніямъ, говорили также о будущихъ нашихъ планахъ, о новыхъ впечатлѣніяхъ и знакомыхъ. И на душѣ у каждаго было такъ хорошо, легко... Его въ это время занимала мысль освободить кого-нибудь изъ тюрьмы. Побѣги висѣли тогда въ воздухѣ, и многіе занимались тогда придумываніемъ плановъ, предлагали свое содѣйствіе. Кибальчичъ разсказалъ мнѣ свои планы побѣговъ изъ петербургскихъ мѣстъ заключенія; но, какъ и заранѣе можно было ожидать—одинъ былъ невыполнимѣе другаго. Къ кружку онъ тогда не присталъ еще ни къ какому; онъ только заводилъ знакомства, присматривался, интересовался новыми воззрѣніями и программами, что, вполне естественно, было для него очень важно, послѣ почти 3-хъ лѣтънаго его одиночества. И новые люди, другія условія жизни и измѣнившаяся обстановка уже успѣли радикально повліять на его воззрѣнія, на его планы о будущемъ. Онъ не собирался уже, какъ прежде можно было думать, поселиться въ какомъ нибудь селѣ съ цѣлью вести мирную, культурную дѣятельность. Теперь онъ самъ находилъ, что медленная пропаганда — работа мало производительная, самъ заявлялъ, что не выгодно за «одного крестьянина», за одну «хитрую механику» въ среднемъ числѣ десяти minimum социалистамъ цѣлые годы проводить въ тюрьмахъ. И онъ также находилъ теперь необходимымъ стремиться создавать организациі въ крестьянствѣ, пользуясь уже существующимъ въ немъ недовольствомъ и желаніями; словомъ, онъ уже и самъ присталъ къ «народничеству», противъ котораго еще такъ недавно въ тюрьмѣ возставалъ.

Послѣ этой встрѣчи мы не видѣлись съ нимъ почти съ годъ. Только въ августѣ 1879 года мы снова встрѣтились въ Петербургѣ, гдѣ онъ все время оставался, занимаясь, какъ онъ мнѣ послѣ разсказывалъ, изученіемъ производства динамита

домашнимъ способомъ, а также литературной дѣятельностью. Затѣмъ онъ скоро поселился въ Одессѣ, куда и я часто пріѣзжалъ, и мы въ этихъ случаяхъ видались съ нимъ ежедневно. Онъ и теперь все еще окончательно не приставалъ ни къ одной изъ революціонныхъ организацій, но своими познаніями уже цѣликомъ служилъ террористической борьбѣ. Приоо-единенію къ организаціи отчасти, кажется, мѣшала его неспособность, что называется, «быть въ струнѣ». Къ тому же, хотя онъ въ общемъ и раздѣлялъ воззрѣнія «Народной Воли», но не проводилъ ихъ еще во всѣхъ частностяхъ, какъ эта партія. Такъ, онъ задавался тогда цѣлью, независимо отъ «Народной Воли» вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами, вовсе не состоявшими въ этой партіи,—самостоятельно основать на югѣ газету. Программа этого органа, какъ онъ ее мнѣ развивалъ, хотя и заключала въ себѣ политическій элементъ, но въ ней отводилось большое мѣсто своеобразному «федерализму». Онъ считалъ нужнымъ дать возможность высказываться мѣстнымъ, провинціальнымъ элементамъ, такъ какъ существующіе въ столицѣ революціонные органы по неволѣ трактуютъ лишь о центрахъ, на нихъ лишь сосредоточиваютъ главное вниманіе. Но, по моему, его тенденціи, скорѣе всего можно-бы назвать «провинціоналистическими».*) Но главная, кажется, причина, почему онъ не вступалъ цѣликомъ въ организацію, была его неспособность управляться со всякими мелочами партіонныхъ «конспирацій»,—что очень важно при современныхъ условіяхъ революціонной дѣятельности,—его подчасъ крайняя непрактичность, вслѣдствіи которой онъ иногда дѣлалъ большіе промахи.

Разскажу одинъ случай. Возвращаясь въ началѣ ноября изъ Орла въ Одессу, я, въ ожиданіи отхода поѣзда, расхаживалъ по вокзалу (это было въ Харьковѣ), когда на одной изъ кушетокъ залы перваго класса увидѣлъ Кибальчича, погруженнаго въ крѣпчайшій сонъ. Нужно замѣтить, что тогда уже было введено военное положеніе, и, въ ожиданіи возвращенія царя изъ Ялты, на вокзалахъ особенно много толпилось всякаго начальства; шпіоны рыскали по всѣмъ направленіямъ, заглядывая каждому въ лицо. Кибальчичъ же былъ тогда «нелегаленъ», и его, какъ уже сидѣвшаго въ тюрьмахъ, по фотографической карточкѣ, узнать было, конечно, легко. Онъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, лежалъ вверхъ лицомъ, бросаясь всѣмъ въ глаза своею позой и внѣшностью: въ изголовьѣ у него былъ довольно старенькій чемоданчикъ и, хотя вообще былъ не дурно одѣтъ, но совсѣмъ не по харьков-

*) Считаю нужнымъ замѣтить, что я говорю о концѣ 1879 г. А какъ онъ относился въ послѣдніе годы къ этому вопросу, я не знаю.

скому сезону: на немъ было осеннее легкое пальто—въ отличіе отъ всѣхъ другихъ пассажировъ I класса, которые, конечно, носили уже шубы—и неподалеку отъ него стоялъ его неразлучный цилиндръ, за что всѣ мы и называли его тогда «цилиндромъ». Я былъ очень пораженъ, увидѣвъ эту картину и стоялъ нѣкоторое время въ раздумьи, не зная, что мнѣ дѣлать, когда замѣтилъ, что два полицейскихъ чиновника, подошедши къ спящему, пристально стали его разсматривать. «Пропалъ!» — съ отчаяніемъ думалъ я. Но тутъ же раздался звонокъ къ отходу поѣзда, и сторожъ подошелъ къ спящему, и расталкивая сталъ его будить, что ему не скоро удалось. Полицейскіе также засуетились и отошли. Я благословлялъ этотъ звонокъ и сторожа, явившагося спасителемъ Кибальчича. Оставшись съ нимъ наединѣ, я упрекалъ его за неосторожность, говоря, что могъ же онъ выспаться у знакомыхъ въ городѣ, или въ гостинницѣ, а не укладываться на показъ полиціи, даже не отвернувши головы къ стѣнѣ. «Вотъ именно моя-то поза и не внушила имъ никакого подозрѣнія на мой счетъ: они сейчасъ рѣшили, что я — сама простота и невинность», смѣялся онъ, нисколько не соглашаясь, что поступилъ неосторожно.

Изъ дальнѣйшаго съ нимъ разговора я узналъ, что онъ возвращался въ Одессу изъ-подъ Александровска, гдѣ въ это время закладывалась мина подъ полотно желѣзной дороги, и, пробывъ въ дорогѣ четверо сутокъ безъ сна, онъ страшно усталъ. Въ Харьковѣ онъ останавливался на нѣсколько часовъ, думая встрѣтить тамъ Гольденберга, но тотъ почему-то не пріѣхалъ; поэтому Кибальчичу нужно было спѣшить въ Елисаветградъ, гдѣ онъ еще надѣялся свидѣться съ Гольденбергомъ. Мы поѣхали съ нимъ вмѣстѣ. Въ одномъ съ нами поѣздѣ ѣхалъ жандармскій офицеръ, который часто выходилъ изъ вагона на станціяхъ. Это насъ нѣсколько занимало, удивляло. Я дразнилъ Кибальчича, говоря, что его узнали, когда онъ спалъ и теперь не спускаютъ съ глазъ, почему и мнѣ, молъ, опасно сидѣть съ нимъ рядомъ. Но, въ сущности, мы оба на придавали особеннаго значенія присутствію жандармскаго офицера и ѣхавшихъ съ нимъ вмѣстѣ нижнихъ чиновъ. Когда же на второй день мы пріѣхали въ Елисаветградъ, то замѣтили на вокзалѣ нѣкоторое оживленіе, — жандармы и штатскіе шныряли, шушукались. Расхаживая въ одиночку, мы стали прислушиваться къ разговорамъ публики. Наконецъ, до меня долетѣли двѣ-три фразы («маленькій чехоманчикъ», но очень тяжелый; еще очень молодой человѣкъ»), изъ которыхъ можно было заключить, что кто-то былъ здѣсь недавно арестованъ. Кибальчичъ, оказалось, также слышалъ подобныя же фразы. Для насъ стало ясно, что Гольденбергъ былъ здѣсь арестованъ. Только послѣ этого случая Кибальчичъ согласилъ

ся, что за свою неосторожность въ Харьковѣ онъ могъ также поплатиться, какъ и Гольденбергъ.

Въ этотъ прїѣздъ въ Одессу, мы видѣлись съ нимъ особенно часто, — иногда по нѣсколько разъ на день. Надо замѣтить, что мы съ часу на часъ тогда ждали сообщенія о взрывѣ по желѣзной дорогѣ. Когда получилась телеграмма о «благополучномъ прослѣдованіи» царя по Лозово-Севаст. ж. д., мы были, конечно, огорчены этимъ, но надѣялись еще на Москву. Всѣ эти дни казались намъ мучительно долгими; мы были въ возбужденно-выжидательномъ состояніи и, конечно, ничего не могли дѣлать, поэтому по нѣсколько разъ на день назначали другъ другу свиданія, такъ, почти безъ опредѣленной цѣли. Только 22-го ноября, одновременно съ телеграммой о «благополучномъ прїѣздѣ» царя въ Петербургъ, стало извѣстно въ Одессѣ о неудачномъ покушеніи подъ Москвой. Мы до того были увѣрены въ успѣхѣ, до того свыклись съ этой мыслью, что неудача доводила нѣкоторыхъ изъ насъ чуть не до отчаянія; одинъ, напр., по прочтеніи телеграммы, долго и истерически рыдалъ.

Только Кибальчичъ былъ, какъ всегда, спокоенъ во всѣ эти дни. Его, какъ техника, больше всего, кажется, занимала причина неудачи. «Неужели динамитъ былъ плохъ? Или мало его оказалось?» раздумывалъ онъ вслухъ. Въ этомъ отношеніи дальнѣйшія подробныя извѣстія его успокоили. Тогда онъ сталъ придумывать новыя приспособленія и усовершенствованія. И вскорѣ, послѣ московскаго взрыва, онъ уже приготовлялъ разрывныя бомбы, стараясь приспособить ихъ такъ, чтобы взрывъ произошелъ нѣсколько секундъ послѣ того, какъ бомба упадетъ на землю и чтобы представлялась, такимъ образомъ, возможность скрыться лицу, которое ее броситъ. Съ обыкновенной своей настойчивостью онъ сталъ производить новыя опыты, просиживая за ними иногда цѣлыя ночи на пролетъ. Конечно, при этомъ случались у него приключенія; такъ разъ, поздно ночью произошелъ у него взрывъ (конечно, незначительный), очень напугавшій спавшую въ сосѣдней комнатѣ хозяйку квартиры — радикалку. Они оба боялись, что сосѣди проснутся отъ шума, но, по счастью, этого не случилось.

Всецѣло погруженный въ свои научныя занятія, Кибальчичъ былъ совсѣмъ равнодушенъ къ личнымъ, общечеловѣческимъ потребностямъ и чувствамъ. Ни съ кѣмъ онъ не былъ близокъ, ни къ кому не успѣлъ еще привязаться. Ему, кажется, совсѣмъ даже не были знакомы чувства любви и дружбы. Изъ разговоровъ съ нимъ на эти темы я заключилъ, что во всю свою жизнь онъ никого еще не любилъ и ни съ кѣмъ еще не сходилъ. О женщинахъ онъ такъ отзывался: «всѣ онѣ любятъ, чтобы за ними поухаживали, прїударили; ну, а я не

1412012.

умѣю, да и некогда мнѣ». Быть можетъ, дѣйствительно, его чрезмѣрной простотой и скромностью объясняется полное отсутствіе у него личнаго счастья, но удивительно, что никто изъ знакомыхъ не замѣчалъ даже этой потребности въ немъ.

Къ жизни своей онъ относился вполне индифферентно. Помню, я особенно это замѣтилъ по слѣдующему поводу. Въ отомщеніе за 19 ноября разсвирѣпѣвшее правительство казнило первыхъ, подвернувшихся ему подъ руки. Малинка, Дробязгинъ и Майданскій, арестованные задолго до начала террористической эры (въ 1876—77 гг.). сдѣлались жертвами (въ началѣ декабря 1879 г.) Тотлебена и Панютина, обезумѣвшихъ отъ ярости. Глазамъ не вѣрилось, читая безсмысленно мотивированный смертный приговоръ. Негодованію и озлобленію нашему, какъ и всѣхъ сколько-нибудь мыслящихъ и чувствующихъ, не было конца. Кибальчичъ же къ этимъ тремъ, какъ и ко всѣмъ предыдущимъ, казнямъ относился съ истинно-философскимъ спокойствіемъ. «Не все-ли равно, что висѣлица, что каторга», — говорилъ онъ мнѣ. Впослѣдствіи онъ доказалъ, что ему дѣйствительно «все равно».

Мы пробыли съ нимъ вмѣстѣ въ Одессѣ около двухъ мѣсяцевъ. Въ концѣ декабря я уѣхалъ въ Петербургъ, куда вскорѣ и Кибальчичъ пріѣхалъ. Здѣсь мы видѣлись съ нимъ всего одинъ разъ, — незадолго до моего отъѣзда за границу (въ январѣ 1880 года). Затѣмъ, я лишь изъ газетъ услышалъ о дѣйстви его бомбы и геройской его смерти...

ДѢЛО I-го МАРТА 1881.

Дополнительный обвинительный актъ

которымъ предается суду Особого Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, 27 лѣтъ, обвиняемый въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 241 и 249 Улож. о наказ.

17-го марта 1881 года, въ городѣ С. Петербургѣ задержанъ розыскиваемый по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ сынъ священника Николай Ивановъ *Кибальчичъ*, проживавшій по Лиговкѣ, въ д. №83, кв. №2, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степановича Ланскаго, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты.

При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершеннаго 1-го марта 1881 года злодѣянія, жертвою коего палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дознаніемъ собраны нижеслѣдующія данныя:

I.

По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самаго «техника», о которомъ онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоящему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, въ д. №5, давало техническія наставленія объ устройствѣ и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ называвшійся «техникомъ», 28-го февраля находился съ нимъ, «Михиломъ Ивановичемъ» и Тимошеемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а утромъ 1-го марта, послѣ прибытія Перовской въ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется ему, Рысакову, еще два таковыхъ же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежды на мину

на Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, онъ считалъ «больше иллюзіей» мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами.

Обвиняемый Николай Ивановъ Кибальчичъ, сознаваясь въ приписываемомъ ему участіи въ злодѣяніи 1-го марта 1881 года, показалъ, что, поступивъ въ 1871 году въ число студентовъ Иститута инженеровъ путей сообщенія и пробывъ въ немъ до 1873 года, онъ затѣмъ перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію, во время пребыванія въ которой и составилъ себѣ социалистическія убѣжденія. Они развились и окрѣпли во время предварительнаго заключенія его подъ стражу, которому онъ подвергся въ 1875 году за храненіе у себя и распространеніе преступныхъ сочиненій. Будучи оовоужденъ въ іюнѣ 1878 года, послѣ слѣдствія и отбытія наказанія онъ, осенью того же года, вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ умерщвленіемъ генераль-адъютанта Мезенцова, перешелъ на нелегальное положеніе, и до весны 1879 года, не имѣя ни связей среди «партіи», ни революціоннаго прошлаго, не принималъ участія въ активной ея дѣятельности. Весною 1879 года онъ предложилъ чрезъ казеннаго нынѣ государственнаго преступника Квятковскаго свои услуги революціонной организации, сознавая, что въ виду обострившейся борьбы партіи съ правительствомъ всякій, раздѣляющій ея убѣжденія, обязанъ оказать ей активное содѣйствіе. Съ Желябовымъ онъ познакомился позднѣе, именно лѣтомъ 1879 года.

Послѣ происходившаго лѣтомъ 1879 года Липецкаго съѣзда членовъ социально-революціонной партіи, о которомъ упоминается въ показаніи Гольденберга, онъ постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи динамита, пріобрѣтая необходимыя для сего техническія свѣдѣнія гораздо ранѣе, такъ какъ, не имѣя еще связей съ партіей, онъ предвидѣлъ, что ей придется прибѣгнуть въ ея борьбѣ съ правительствомъ къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ и, рѣшившись изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, съ этою цѣлью перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности приготовить какъ это вещество, такъ и динамитъ домашними средствами.

Въ декабрѣ 1879 года, послѣ покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, и приготовленія къ таковому же покушенію близъ города Одессы, обвиняемый перѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

Рѣшившись во что бы то ни стало совершить удачное посягательство на жизнь Государя Императора, «партія» составила такой планъ дѣйствій, при которомъ оно было бы обста-

влено всѣми возможными шансами успѣха. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что исполненіе плана затянулось, такъ какъ съ одной стороны было необходимо устроить мѣсто для мины и приготовить самую мину, посредствомъ которой рѣшено было совершить посягательство, а съ другой стороны нужно было выработать наиболѣе удобный типъ метательныхъ снарядовъ, предполагавшихся для вспомогательнаго дѣйствія на случай неудачи покушенія посредствомъ мины. О заложении этой послѣдней въ Малой Садовой онъ, Кибальчичъ, узналъ лишь незадолго до 1-го марта, причемъ, не участвуя ни въ проведеніи подкопа, ни въ самомъ устройствѣ мины, онъ давалъ лишь научно-техническія указанія относительно нужнаго для нея количества динамита, а также сдѣлалъ запаль для заряда мины. Что же касается до метательныхъ снарядовъ, то онъ изготовлялъ ихъ при участіи двухъ помощниковъ, но гдѣ именно — объяснить не желаетъ. Подтверждая вообще показанія Рысакова о конспиративныхъ квартирахъ и пробѣ снаряда, Кибальчичъ объяснилъ, что хозяйкою квартиры по Троицкому переулку была Гельфманъ, а квартиры по Телѣжной улицѣ — Гельфманъ и Саблинъ; проба же снаряда производилась кромѣ его, Кибальчича, еще двумя лицами, а именно Рысаковымъ и «Михаиломъ Ивановичемъ». Въ планѣ посягательства 1-го марта главное мѣсто отводилось минѣ на Малой Садовой, и лица, вооруженныя метательными снарядами, разставленные по обоимъ концамъ Малой Садовой, должны были дѣйствовать на ней только въ случаѣ неудачнаго взрыва мины. Всего снарядовъ было сдѣлано имъ, Кибальчичемъ, четыре, причемъ онъ работалъ надъ ними всю ночь на 1-ое марта. Два изъ этихъ снарядовъ доставила на конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ Перовская, два же другихъ, запасные, привезъ самъ обвиняемый утромъ передъ событіемъ. При выборѣ времени и мѣста совершенія посягательства, онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса. Находясь на улицѣ во время проѣзда Государя Императора въ манежъ и изъ манежа, онъ отправился домой, не зная о томъ, что и безъ взрыва на Малой Садовой снаряды имѣютъ быть и въ дѣйствительности были употреблены въ дѣло. О послѣдствіяхъ посягательства онъ узналъ лишь вечеромъ.

Излагая собственноручно на письмѣ вышеприведенныя свои показанія, Кибальчичъ въ одномъ изъ нихъ объяснилъ, что въ изготовленіи снарядовъ ему помогали два лица — техники, которыхъ онъ назвать не желаетъ.

По обыску въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ №83, по Лиговкѣ, у него, кромѣ разныхъ рукописей и замѣтокъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, найдена была изданная морскимъ вѣдомствомъ брошюра, подъ заглавіемъ:

«Правила выдѣлки игольчатыхъ запаловъ съ гремучей кислой ртутью малаго и большаго сопротивленія.»

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній, а отчасти и изъ собственныхъ объясненій Кибальчича видно, что онъ уроженецъ Кроловецкаго уѣзда, Черниговской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ Новгородсѣверской духовной семинаріи; въ 1871 году поступилъ въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1873 году перешелъ въ Императорскую Медико-Хирургическую Академію. Въ 1875 году Кибальчичъ, проживая лѣтомъ въ Липовѣцкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата, навлекъ на себя обвиненіе въ передачѣ рядовому Притулѣ брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: «Сказка о четырехъ братьяхъ» — въ чемъ и сознался. При производствѣ у Кибальчича по этому дѣлу обыска, у него оказались два тюка съ разными запрещенными изданіями и нѣсколько видовъ на жительство. Преданный по вышеупомянутому дѣлу суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Кибальчичъ приговоромъ Особаго Присутствія, состоявшимся 1-го мая 1878 года, былъ присужденъ, на основаніи 4 отд. ст. 251 Улож., къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяць, каковой приговоръ и былъ приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. По пріѣздѣ Кибальчича въ Петербургъ въ концѣ 1878 года, онъ проживалъ подъ именемъ Агатескулова въ разныхъ квартирахъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой уже квартиры въ домѣ № 83 по Лиговкѣ, были обнаружены еще слѣдующія: 1) весною 1880 года по Забалканскому проспекту, въ домѣ № 10, въ «Сарапинской гостинницѣ»; 2) лѣтомъ того же года, по Подольской улицѣ, д. № 11, вмѣстѣ съ неизвѣстной женщиной, называвшейся его женою; 3) осенью 1880 года по Невскому проспекту, д. № 124, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкою Марѳою Кононовою. Въ послѣднюю квартиру свою на Лиговкѣ Кибальчичъ переѣхалъ 23-го января 1881 года, причемъ, по удостовѣренію квартирной хозяйки, мѣщанской вдовы Александры Ивановой и дворника, крестьянина Ѳедора Козлова, онъ обыкновенно уходилъ изъ дома часовъ въ 10 утра и возвращался поздно вечеромъ.

При производствѣ еще неоконченнаго дознанія о дворянинѣ Александрѣ Михайловѣ и другихъ, собраны, между прочимъ, свѣдѣнія о томъ: 1) что въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 11, по Подольской улицѣ, помѣщалась тайная типографія, и 2) что посѣщая въ теченіи первой половины 1880 года другую конспиративную квартиру, по Подъяческой улицѣ, въ д. № 37, Кибальчичъ занимался въ ней приготовленіемъ динамита. Это послѣднее обстоятельство не отвергается и самимъ Кибальчичемъ.

II.

Привлеченный, въ качествѣ обвиняемаго, къ дознанію о 16 лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ купца Григорій Гольденбергъ (нынѣ умершій), между прочимъ, показалъ, что во исполненіе рѣшенія, состоявшагося на Липецкомъ съѣздѣ «соціально-революціонной партіи», въ іюнѣ 1879 года были предприняты приготовленія къ взрыву Императорскаго поѣзда близъ города Одессы и близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи; въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ приготовленіяхъ, находился сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, участіе котораго, по словамъ Гольденберга, заключалось въ слѣдующемъ: 9-го ноября 1879 года Гольденбергъ отправился изъ Москвы въ Одессу за динамитомъ для взрыва на Московско-Курской желѣзной дорогѣ; на станціи Елисаветградъ онъ встрѣтилъ Кибальчича, ѣхавшаго изъ Одессы, причемъ этотъ послѣдній объяснилъ, что онъ везетъ въ Александровскъ проволоку къ Желябову и что онъ проживалъ передъ этимъ въ Одессѣ подъ именемъ Иваницкаго; Гольденбергъ сообщилъ Кибальчичу, что ѣдетъ въ Одессу за динамитомъ, на что Кибальчичъ заявилъ ему, что въ Одессѣ, быть можетъ, уже успѣли заложить динамитъ подъ рельсы; вслѣдствіе этого Гольденбергъ рѣшилъ, что ѣхать въ Одессу за динамитомъ бесполезно, и послалъ по этому поводу, по соглашенію съ Кибальчичемъ, телеграмму Колоткевичу, распоряжавшемуся одесскими приготовлениями.

Дознаніемъ обнаружено, что 11-го октября 1879 года дѣйствительно была послана со станціи Елисаветградъ, Харьковско-Николаевской желѣзной дороги, телеграмма, адресованная въ Одессу Михаилу Ѳедорову Сидоренко (подъ именемъ котораго проживалъ тамъ Колоткевичъ) слѣдующаго содержанія: «Не посылайте напрасно вина, подождите моего повѣреннаго, завтра утромъ пріѣдетъ — Максимовъ», причемъ по показанію Гольденберга, подъ виномъ слѣдовало разумѣть динамитъ.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Кибальчичъ объяснилъ, что, проживая въ 1879 году въ Одессѣ, по Екатерининской улицѣ, въ д. №66, подъ именемъ Максима Петрова Иваницкаго, онъ зналъ о всѣхъ покушеніяхъ на жизнь Государя Императора, предпринятыхъ осенью въ 1879 году, и принималъ активное участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда близъ города Одессы, причемъ имѣлъ у себя всѣ матеріалы, необходимые для взрыва; такъ, съ этою цѣлью онъ отдалъ въ магазинъ Левенталя для починки спираль Румкорфа, а когда починка была произведена неудовлетворительно,

онъ купилъ новую спираль въ магазинѣ Розенталя; вслѣдъ за тѣмъ онъ узналъ, что Государь Императоръ на обратномъ пути изъ Крыма не поѣдетъ черезъ Одессу, и потому счелъ полезнымъ отвести одну изъ спиралей въ Александровскъ, гдѣ она была въ неудовлетворительномъ видѣ; исполняя это послѣднее рѣшеніе, онъ поѣхалъ въ Александровскъ и по дорогѣ встрѣтился съ Гольденбергомъ.

Показаніе обвиняемаго Кибальчича о приобрѣтеніи въ Одессѣ матеріаловъ, необходимыхъ для взрывовъ, подтверждается показаніями свидѣтелей Людвигъ Левенталя, Самуила Левенсона и Давида Розенталя.

При осмотрѣ домовою книги въ д. №66, по Екатерининской улицѣ, гор. Одессы, оказалось, что въ квартирѣ № 22 дѣйствительно проживалъ въ этомъ домѣ, въ 1879 году, коллежскій регистраторъ Максимъ Петровъ Иваницкій съ женою Елисаветой, по аттестату Херсонско-Бессарабскаго губернскаго управленія государственными имуществами, отъ 24-го марта 1876 года за № 5.729.

На основаніи вышеизложеннаго сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ обвиняется:

I. Въ принадлежности къ тайному сообществу, именующему себя социально-революціонной партіей, имѣющему цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный строй, причѣмъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ, и вооруженныхъ сопротивленій властямъ, т. е. въ преступленіи предусмотрѣнномъ въ 249 ст. Улож. о наказ. изд. 1876 года.

II. Въ томъ, что принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, онъ согласился съ другими лицами лишить жизни Его Императорское Величество, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, во исполненіе каковаго умысла:

1) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву, 18-го ноября 1879 года, полотна желѣзной дороги при проходѣ Императорскаго поѣзда изъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, посредствомъ доставленія одному изъ участниковъ означеннаго взрыва, Андрею Иванову Желябову, необходимой для совершенія этого преступленія спирали Румкорфа.

2) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію, въ томъ же 1879 году, таковаго же взрыва на Одесской желѣзной дорогѣ, близъ города Одессы, посредствомъ храненія у себя всѣхъ нужныхъ для совершенія этого преступленія снарядовъ, и между прочимъ посредствомъ приобрѣтенія и при-

способленія спиралей Румкорфа. Преступленіе это предусмотрено ст. 242 Улож. о наказ. 1866 года.

3) Изобрѣлъ, изготовилъ и приспособилъ четыре метательныхъ снаряда, посредствомъ которыхъ совершено было 1-го марта сего 1881 года злодѣйское посягательство на жизнь Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, причемъ однимъ изъ означенныхъ снарядовъ произведенъ былъ взрывъ, причинившій Его Величеству тяжкія пораненія, отъ которыхъ того же 1-го марта Государь Императоръ въ Бозѣ почилъ. Преступленіе это предусмотрено ст. 241 Улож. о нак. изд. 1866 года.

По перечисленнымъ обвиненіямъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 6-го и 13-го сего марта и ст. 1.032, 1.052 уст. уг. суд., 2 ч. XV т. Св. Зак., изд. 1876 года, по прод. 1879 года, Нилолай Ивановъ Кибальчичъ предается суду Особого Присутствія Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ марта 21-го дня 1881 года въ С. Петербургѣ.

На вопросъ о виновности Н. И. Кибальчичъ отвѣчалъ: Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ, я позволю себѣ опредѣлить тѣ главныя задачи, которыя ставитъ та партія, къ которой я себя причисляю.

Первоприс. Для суда представляютъ дѣйствительный интересъ только ваши убѣжденія и задачи.

Тогда **подс. Кибальчичъ** подробно изложилъ въ связномъ разсказѣ стремленіе тайнаго общества, принявшаго наименованіе «Народной Воли» и причины, которыя, по мнѣнію его, заставили лицъ социалистическаго образа мыслей перейти отъ мирной пропаганды къ политической борьбѣ, выразившейся въ послѣднее время въ террористической формѣ. Между прочимъ онъ сказалъ: «Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе идти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно я бы осуществилъ свою задачу, если бы этому не помѣшалъ арестъ. Конечно, если бы не этотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти социалистическаго, а именно поднять умственный и нравственный уровень массы, развитъ общинныя инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до социали-

стическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально, что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы въ царевубійствѣ, а были бы среди городского и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельско-хозяйственныхъ орудій, и т. д.» Затѣмъ, подсудимый заявилъ, что ему остается повторить сущность переданныхъ въ обвинительномъ актѣ обстоятельствъ, и на предложеніе первоприсутствующаго подтвердить таковыя показалъ: «Видя обостреніе борьбы правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя она раньше не рѣшалась, я рѣшилъ запастись тѣми техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я перечелъ все, что могъ достать на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ, старался идти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ, я участвовалъ въ покушеніяхъ подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою, и вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участіе въ приготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ вещей, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушенія мое участіе ограничилось доставленіемъ туда спирали, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я переѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность готовить динамитъ, я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участіе въ террористической дѣятельности ограничивалась научною, техническою сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ обсужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ и гдѣ и какіе люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участіе было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5 февраля, что такой взрывъ будетъ. Я принималъ участіе въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ только изъ газетъ. Точно также чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. въ изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ участвовалъ не я одинъ. Эта была скорѣе коллективная работа.

Первоприс. Для суда необходимо знать, приготовляя динамитъ и снаряды, знали ли вы, что они предназначаются для этой цѣли?

Подс. Кибальничъ. Да, конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно. Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ минѣ на Малой-Садовой. Я не принималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научными техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройства запала. Такъ, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита на Малой-Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во первыхъ, достигнуть предполагаемой цѣли, а во вторыхъ, не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ, и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, минимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ...

Первоприс. По этому вопросу вы можете еще высказаться во время экспертизы.

Подс. Кибальничъ. Я не зналъ, что буду имѣть этотъ случай, поэтому я и коснулся теперь. Итакъ, относительно устройства мины, найма помѣщенія, назначенія туда людей и т. п. — въ этомъ я не принималъ участія. Но за нѣсколько дней я узналъ какой способъ предполагается и гдѣ, узналъ также и время — 1-ое марта. Относительно метательныхъ снарядовъ я долженъ замѣтить еще слѣдующее. Я вмѣстѣ съ другими лицами былъ на опытѣ, и затѣмъ, какъ выражается Рысаковъ, читалъ лекціи по устройству снарядовъ. Я, дѣйствительно, дѣлалъ указанія и дѣйствительно былъ на опытѣ, но считаю нужнымъ заявить, что той личности, которая называется Тимофеемъ Михайловымъ, не было ни на опытахъ, ни на чтеніи этихъ лекцій. Вообще, я его ни разу не видалъ на квартирѣ Гельманъ.

СНАРЯДЫ Н. И. КИБАЛЬЧИЧА.

Показаніе эксперта Генералъ-Маіора Ѳедорова:

Эти снаряды были мнѣ предъявлены при дознаніи въ снаряженномъ видѣ, а теперь они разряжены и разобраны. Особое приспособленіе, посредствомъ котораго долженъ взрываться такой снарядъ, состоитъ въ томъ, что внутри его были помѣщены двѣ латунныхъ трубки: одна—вертикальная, другая—горизонтальная. Въ каждую трубку была вставлена пробка и внутри проходила стеклянная трубочка. Внутри этихъ барабановъ на стеклянную трубочку надѣты свинцовые грузики, а чтобы они не скользили по трубкѣ, на стеклянную трубочку надѣта маленькая каучуковая трубочка; стеклянная трубочка была наполнена сѣрною кислотою и при бросаніи снаряда она непременно бы разбилась. Поверхность стеклянной трубочки была обмотана фителемъ, напудреннымъ смѣсью бертолетовой соли, антимонія и сахара. Эта смѣсь загорается, если на нее пролить крѣпкой сѣрною кислоты. Отъ этихъ трубочекъ и барабановъ шли два фитиля, которые потомъ соединялись въ одинъ фитиль. Это были хлопчато-бумажныя нитки, напудренные тоже смѣсью изъ бертолетовой соли, антимонія и сахара. Помѣщались онѣ внутри каучуковой трубочки. Наконецъ, общій фитиль шелъ къ капсулю, который входилъ въ цилиндрикъ и здѣсь была маленькая трубочка. Цилиндрикъ былъ наполненъ пироксилиномъ, пропитаннымъ нитроглицериномъ, а капсуль устроенъ такимъ образомъ: самая нижняя его часть была наполнена гремучею ртутью, а въ верхнюю его часть была вставлена латунная трубочка безъ дна и вмѣсто дна была вставлена пробка изъ крѣпкаго твердаго дерева. Сверху дна былъ составъ, который главнѣйшимъ образомъ заключалъ въ себѣ желѣзисто-синеродистый свинецъ и бертолетовую соль. Снарядъ дѣйствовалъ такимъ образомъ: при паденіи снаряда ломалась стеклянная трубочка. Если онъ упадетъ вертикально, то ломалась вертикальная трубочка, если же горизонтально, то ломалась бы горизонтальная трубочка. Сѣрная кислота пролилась бы на смѣсь бертолетовой соли съ антимоніемъ и появился бы огонь. Этотъ огонь передавался бы капсулю и сначала загорѣлся бы составъ изъ бертолетовой соли съ желѣзисто-синеродистымъ свинцомъ. Отъ этого взрыва пробка ударялась бы въ гремучую ртуть, дѣлался бы взрывъ гремучей ртути и взрывался бы цилиндрикъ, наполненный пироксилиномъ, пропитаннымъ

нитроглицериномъ, а затѣмъ произошелъ бы взрывъ гремучаго студня съ камфорою. Оба эти снаряда одинаковаго устройства.

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, эти два снаряда были найдены у васъ въ квартирѣ, по Телѣжной улицѣ?

Подс. Гельфманъ. Да, они стояли на окнѣ.

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, вы получили снарядъ такой же, какъ эти два?

Подс. Рысаковъ. Да, такой же формы былъ.

Первоприс. Подсудимый Кибальчичъ, эти снаряды вами изготовлялись?

Подс. Кибальчичъ. Да, я участвовалъ въ ихъ изготовленіи. Я просилъ бы г. эксперта опредѣлить, какой радіусъ сферы разрушенія долженъ былъ бы произойти отъ такого количества гремучаго студня, какое тутъ должно заключаться?

Первоприс. Съ какою цѣлью вы дѣлаете этотъ вопросъ?

Подс. Кибальчичъ. Онъ имѣетъ практическое значеніе. Впослѣдствіи, когда я буду говорить о зарядѣ динамита въ минѣ на Малой Садовой...

Первоприс. Тогда сторонамъ и будетъ предоставлено право предлагать вопросы.

Гос. прок. Я желалъ бы теперь обратиться съ вопросомъ къ экспертамъ, гг. Лисовскому и Шахъ-Назарову. Вы, гг. эксперты, кажется, осматривали жестяные остатки, найденные на Екатерининскомъ каналѣ, и признали, что эти остатки указываютъ на жестяную оболочку брошенныхъ снарядовъ?

— *Свид. Лисовскій и Шахъ-Назаровъ.* Да.—В. Остатки, вами рассмотрѣнные, оказываются тождественными съ этими?—О. Совершенно.—В. Такъ что можно предположить, что разорвавшіеся на Екатерининскомъ каналѣ снаряды имѣли такую же оболочку и были такого же вида, какъ и эти?—О. Да.—В. Можете ли вы по этимъ остаткамъ сдѣлать дальнѣйшее заключеніе о тождествѣ тѣхъ снарядовъ съ этими?—О. Трудно сдѣлать.—В. Но оболочка была такая же, жестяная?—О. Да.

Гос. прок. Затѣмъ я просилъ бы эксперта г. Оедорова разъяснить слѣдующее. Вы извоили сказать, что въ этомъ металлическомъ снарядѣ были устроены двѣ одинаковыя трубочки, но только въ разномъ направленіи? — *Экспертъ Оедоровъ.* Да, одна въ горизонтальномъ, другая въ вертикальномъ, одна длиннѣе, другая короче. — В. Такъ что устройство этихъ трубочекъ обезпечивало разрывъ снаряда, въ какомъ бы направленіи онъ ни упалъ?—О. Да.—В. Слѣдовательно, собственно говоря, это былъ двойной аппаратъ?—О. Да.—В. Судя по тому, какъ сдѣлана эта жестянка, т. е. оболочка снаряда, нельзя ли вывести предположеніе, что оболочка была уже готовая?—О. Я думаю, что оболочка была уже готовая, потому что хорошо сдѣлана. — В. А внутреннее устройство не указываетъ

ли на ручную работу?—О. Оно плохо сдѣлано, такъ что можно навѣрно сказать, что это ручная, домашняя работа. — В. Съ точки зрѣнія науки техники, какое вы можете дать заключеніе объ этихъ снарядахъ? Извѣстенъ ли вамъ въ наукѣ такой типъ метательныхъ взрывательныхъ снарядовъ, или это совершенно новый типъ, котораго до сихъ поръ вы еще не видали и о которомъ не читали въ научныхъ сочиненіяхъ?—О. Эти трубочки съ сѣрною кислотой и соединеніе ихъ съ смѣсью бертолетовой соли, антимонія и сахара употребляются на практикѣ и извѣстно, что отъ разрыва трубочки съ сѣрною кислотой эта смѣсь воспламеняется. Но собственно о такомъ аппаратѣ, гдѣ сдѣлано такое приспособленіе, что отъ гремучей ртути взрывается пироксилинъ, пропитанный нитроглицериномъ, и затѣмъ гремучій студень съ камфорой—я еще не слышалъ.—В. Всѣ эти приспособленія, сдѣланныя въ снарядахъ, достаточно ли обезпечивали взрывъ? Можно ли предположить, что все-таки взрывъ могъ бы не произойти, или же приспособленія были таковы, что взрывъ былъ бы неминуемъ?—О. Я думаю, что эти снаряды нельзя долго сохранять. Они не обезпечены отъ сырости. Если бы смѣсь бертолетовой соли съ антимоніемъ и сахаромъ пролежала нѣсколько мѣсяцевъ, то она не взорвалась бы, но самое соединеніе было такого рода, что оно обезпечивало взрывъ.—В. Имѣя уже взрывчатые составы, могъ ли одинъ человѣкъ устроить эти снаряды безъ помощника?—О. Да, могъ и безъ помощника. — В. Предполагая все это заранѣе приготовленнымъ, сколько времени потребовалось бы, чтобы собрать и снарядить этотъ снарядъ?—О. Можно скоро сдѣлать. Можно одному человѣку сдѣлать 4 снаряда въ почъ. — В. А изготовить все въ одну ночь невозможно?—О. Это очень трудно сдѣлать. Трудно приготовить гремучій студень. — В. Домашними средствами его нельзя приготовить? — О. Это сопряжено съ большою опасностью.

Эксп. Шахъ-Назаровъ. Этотъ составъ извѣстенъ только недавно, такъ что онъ вѣроятно былъ привезенъ, очень можетъ быть, изъ-за границы. Я не думаю, чтобы онъ былъ приготовленъ здѣсь.

Эксп. Федоровъ. Я того же мнѣнія. Для приготовленія его нужны большія приспособленія, нужно имѣть маленькую лабораторію.

Тов. прок. А въ квартирѣ, при одной домашней печкѣ, можно приготовить гремучій студень?

Эксп. Федоровъ. Трудно.

Прис. пов. Герардъ. Въ чемъ вы видите затрудненіе при приготовленіи гремучаго студня домашнимъ образомъ?—*Эксп. Федоровъ.* Нитроглицеринъ легко приготовить, но довольно трудно получить гремучій студень, довольно затруднительно рас-

творить пироксилинъ въ нитроглицеринѣ. Это требуетъ много времени и большаго умѣнья.—В. Но требуются ли при этомъ особенныя приспособленія, какія-нибудь реторты и т. п.? — О. Нужно сперва кипяткомъ нагрѣть, поставить на него чашку, взять нитроглицеринъ и растворить въ немъ пироксилинъ или же прямо предварительно растворить его въ эфирѣ.

Подс. Кибальчичъ. Я долженъ возразить противъ мнѣнія экспертизы о томъ, что гремучій студень заграничнаго приготовления. Онъ сдѣланъ нами. Относительно приготовления его есть указанія въ русской литературѣ, помимо иностранной. Такъ, я могу указать на «Артиллерійскій Журналъ» 1878 года (августовская книжка), гдѣ очевидецъ, бывший въ лаборатории у Нобеля, видѣлъ приготовленіе гремучаго студня и подробно описалъ. Приготовленіе его не представляетъ опасности. Вообще приготовленіе нитроглицерина, динамита, если оно ведется человекомъ, знающимъ дѣло, представляетъ меньшую опасность, чѣмъ приготовленіе пороха, и сколько ни было приготовляемо динамита домашнимъ образомъ, взрыва никогда не было. Затѣмъ приготовленіе его не представляетъ особенныхъ затрудненій и можетъ быть сдѣлано домашнимъ способомъ. Приготовленіе нитроглицерина, какъ говорятъ и эксперты, не трудно. Остается приготовленіе растворимаго пироксилина, что можетъ быть легко сдѣлано, а для того, чтобы растворить нитроглицеринъ въ пироксилинѣ нужна только теплая вода, которую можно нагрѣть въ самоварѣ или въ печкѣ.

Первоприс. Этотъ метательный снарядъ устроенъ такимъ образомъ, что отъ удара искра передается отъ одной части въ другую, потомъ въ третью, но дѣйствіе снаряда отъ этихъ передачъ не должно было замедлиться? — *Экспертъ Федоровъ.* Нѣтъ, стопинъ—это быстро горящее вещество.— В. Т. е. въ одинъ ли моментъ при ударѣ снаряда о твердое тѣло могъ послѣдовать взрывъ снаряда? — О. Мгновенно, безъ всякихъ промежутковъ.

Тов. прок. Возвращаясь къ вопросу, возбужденному подсудимымъ Кибальчичемъ, я прошу дать заключеніе, хотя приблизительно, о кругѣ дѣйствія такого метательнаго снаряда. Предположимъ, что на улицѣ брошенъ одинъ метательный снарядъ, какой будетъ максимальный кругъ дѣйствія?

Эксп. Федоровъ. Небольшой.

Эксп. Лисовскій. Трудно опредѣлить.

Эксп. Шахъ-Назаровъ. По моему мнѣнію, это тоже очень трудно опредѣлить. Кругъ дѣйствія взрыва бываетъ различный.

Прис. пов. Герардъ. Не можете ли вы хотя приблизительно сказать, какой районъ смертельнаго пораженія будетъ отъ такого снаряда? — *Эксп. Лисовскій.* Особенно великъ не можетъ быть.—В. Это очень условно. Скажите хотя приблизительно.

—О. Нѣсколько сажень.—В. Это кругъ смертельнаго пораженія? Такъ ли это?

Эксп. Федоровъ. На сажень навѣрно будетъ смертельное поврежденіе.

Прис. пов. Герардъ. Но на дальнѣйшее разстояніе происходитъ только сотрясеніе воздуха, которое не можетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, можетъ только, напр., стекла разбить, но костей человѣка переломать не можетъ? — *Эксп. Федоровъ.* Я знаю изъ опыта такой случай, что разъ разорвался капсюль съ пироксилиномъ, котораго было фунтовъ 15, и при этомъ капсюль отлетѣлъ сажень на 10 и ранилъ. — В. Но это случайность и произошла отъ того, что капсюль подетѣлся, а какое обыкновенно бываетъ дѣйствіе?—О. На сажень.—В. Смертельное пораженіе отъ дѣйствія этого снаряда бываетъ не потому, что чѣмъ-нибудь ударить, а вслѣдствіе самаго взрыва? О. Да.—В. Слѣдовательно напоръ газовъ производитъ поврежденіе? — О. На сажень будетъ навѣрно смертельное поврежденіе.

Гов. прок. Для разъясненія этого вопроса, я долженъ обратить вниманіе на то, что мы имѣемъ слѣдующія данныя относительно практическихъ послѣдствій: при взрывѣ 1-го марта было ранено 20 человѣкъ, изъ которыхъ 3 умерло.

Подс. Кибальчичъ. По поводу этого заявленія, я долженъ сказать слѣдующее. Первый взрывъ произвелъ очень небольшое разрушеніе. Большинство было ранено при второмъ взрывѣ. Относительно сферы разрушенія тутъ, конечно, не можетъ быть точнаго вычисленія, но, по моимъ вычисленіямъ и соображеніямъ, она сходится съ тѣми данными, которыя даетъ экспертъ Федоровъ, а именно радіусъ сферы разрушенія около 1 сажени, но никакъ не больше. Если при второмъ взрывѣ было такъ много раненыхъ, то это произошло отъ того, что около Государя толпился народъ на очень близкомъ разстояніи, такъ что снарядъ попалъ, такъ сказать, въ самую толпу, и этимъ объясняется значительное число раненыхъ. Во всякомъ случаѣ громадное большинство этихъ раненыхъ очень легко ранено и получили самые незначительныя раны.

Гов. прок. Я замѣчу только, что послѣднее Особому Присутствію неизвѣстно. Напротивъ того, Особое Присутствіе имѣетъ въ дѣлѣ и вчера имѣло доказательство противнаго.

Затѣмъ экспертамъ было предложено осмотрѣть вещественныя доказательства, отобранныя при обыскѣ на Телѣжной улицѣ. Въ числѣ ихъ находились: фарфоровая ступка, стеклянные шарики, небольшая деревянная призма и др.

Первоприс. (къ экспертамъ). Объясните намъ значеніе этихъ предметовъ, для какой цѣли они служили?

Эксп. Федоровъ. Въ этой ступкѣ толкли бертолетову соль, которая была необходима при устройствѣ фитиля. Затѣмъ это

вещество — парафинъ, которымъ иногда заливаются взрывчатые составы, напр. черный динамитъ, чтобы онъ не сырѣлъ. Въ этихъ маленькихъ шарикахъ и трубочкахъ была сѣрная кислота, такъ что можно предполагать, что дѣлались какіе-нибудь опыты, пробовалось, какимъ образомъ будетъ загораться смѣсь изъ бертолетовой соли, антимонія и сахара. Вообще всѣ эти предметы указываютъ на то, что, вѣроятно, предварительно дѣлались опыты. Эта деревянная призма есть, вѣроятно, модель метательнаго снаряда. Затѣмъ здѣсь въ числѣ вещественныхъ доказательствъ я вижу желтый кали, который могъ служить для приготовления желѣзисто-синеродистаго свинца, и азотно-кислый амміакъ, который, между прочимъ, употребляется для приготовления динамита.

Тов. прок. Всѣ эти предметы, которые вы обозрѣли, не указываютъ ли на то, что всѣ они, вмѣстѣ взятые, найденные въ одномъ мѣстѣ, служили не для снаряженія этихъ снарядовъ, не для окончательнаго приготовления, а для опытовъ? — *Эксп. Федоровъ.* Да, для опытовъ. — В. Такъ что, если бы дѣлалось объясненіе о составѣ снарядовъ, то всѣ они имѣли бы значеніе? — О. Да. — В. Затѣмъ вамъ была предъявлена записка о смѣси бертолетовой соли и сахара. Какая это смѣсь? — О. Это какъ разъ та смѣсь, которая воспламеняется отъ сѣрной кислоты. — В. Т. е. смѣсь, которая входила въ составъ метательнаго снаряда? — О. Да, тамъ означено и количество смѣси.

Прис. пов. Герардъ. Я долженъ передать заявленіе подсудимаго Кибальчича, что эта деревянная призма, которую считают моделью, по его объясненію, совершенно никакого значенія не имѣла.

Тов. прок. Я прошу предъявить гг. экспертамъ рисунокъ карандашемъ, на оборотѣ транспаранта, и спросить ихъ, что онъ собою представляетъ и на что указываетъ?

Эксп. Федоровъ (по обозрѣніи рисунка). Мое мнѣніе, что это какой-то аппаратъ для производства взрыва, для производства гальваническаго тока, но какой именно — этого сказать нельзя.

Эксперты *Лисовскій* и *Шахъ-Назаровъ* присоединились къ заключенію г. Федорова.

Затѣмъ было приступлено къ осмотру вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ при обыскѣ въ квартирѣ Перовской и Желябова въ домѣ № 18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ числѣ которыхъ находятся пять жестянокъ изъ-подъ конфетъ и сахара.

Приглашены вновь эксперты: гг. Федоровъ, Лисовскій и Шахъ-Назаровъ.

Первоприс. Вамъ были предъявлены эти жестянки? *Эксп. Федоровъ.* Да. — В. Что вы въ нихъ нашли? — О. Въ трехъ жестянкахъ отъ конфетъ были остатки черного динамита. Въ же-

станкѣ отъ сахара тоже былъ динамитъ. — В. Если бы всѣ эти жестянки были полны, то какое количество должно было быть въ нихъ динамита?—О. Приблизительно въ каждой изъ нихъ по 15 фунтовъ, слѣдовательно всего фунтовъ 60.

Тов. прок. А если предположить, что и пятая жестянка была наполнена, то выйдетъ около 2 пудовъ?—*Эксп. Федоровъ.* Да.— В. Вы не можете сказать, какое количество динамита было въ минѣ на Малой Садовой?—О. Около 2 пудовъ.— В. Вамъ были предъявлены двѣ каучуковыя трубки (найденныя у Перовской). Для чего онѣ могутъ служить?—О. Онѣ похожи на тѣ, которыя были употреблены при устройствѣ метательныхъ снарядовъ.— В. Приготовленіе черного динамита представляетъ ли трудность?—О. Нѣтъ, не представляетъ. Его можно приготовить и домашнимъ способомъ. Онъ состоитъ изъ 6% угля, 17—20% нитроглицерина, а остальное количество—азотно-кислый амміакъ.— В. Для чего употребляется черный динамитъ?—О. Это пороховая смѣсь, пропитанная нитроглицериномъ, такъ что онъ имѣетъ свойства и пороха, и динамита и служить для взрыва.— В. Вы дѣлали опытъ взрыва черного динамита?—О. Да, я взялъ четырехъ-фунтовую гранату; сверху была положена гильза, наполненная полъ фунтомъ черного динамита. Посредствомъ гальваническаго приспособленія было сдѣлано воспламеніе, и эту гранату совершенно разбило въ мелкіе куски.

Первоприс. Подсудимый Желябовъ, не желаете ли дать объясненіе?

Подс. Желябовъ. Эти жестянки, какъ и другія вещи, отобранныя на моей квартирѣ, составляютъ нашу общественную собственность и были въ распоряженіи моемъ и Перовской для надобностей партіи.

Первоприс. Для чего служатъ эти трубки?

Подс. Желябовъ. Болѣе подробныхъ объясненій я давать не желаю.

Тов. прок. Гг. эксперты, вы говорите, что эти каучуковыя трубочки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ метательныхъ снарядовъ?

Эксп. Федоровъ. Да, онѣ похожи.

Тов. прок. Я прошу обратить вниманіе Особого Присутствія, что двѣ такія трубочки были найдены у Желябова, а другія были въ метательныхъ снарядахъ.

Подс. Кибальчичъ. Я хотѣлъ спросить эксперта г. Федорова. Вы дѣлали опытъ съ 4-хъ-фунтовою гранатою, причемъ граната была разорвана на куски. Отлетѣли ли эти куски въ сторону или они остались на мѣстѣ?—*Эксп. Федоровъ.* Остались на мѣстѣ.— В. Такъ что метательнаго дѣйствія этотъ динамитъ не обнаружилъ?—О. Но вѣдь онъ лежалъ сверху гранаты. Слѣдовательно тутъ этого и не могло быть...—В. Но если бы

онъ обнаружилъ метательное дѣйствіе, то куски гранаты попали бы глубоко въ землю, это было бы замѣтно? — О. Была бы воронка. — В. Имѣетъ ли этотъ динамитъ сильное метательное дѣйствіе? — О. Это пороховая смѣсь, пропитанная нитроглицериномъ, и дѣйствуетъ какъ порохъ... — В. Но метательное дѣйствіе имѣетъ только медленно горящая смѣсь, но быстро горящая имѣетъ слабое метательное дѣйствіе. Такъ какъ это есть быстро горящая смѣсь, то качество пороха теряется... — О. Все-таки тутъ порохъ. — В. Наконецъ, здѣсь не тѣ составныя части, которыя входятъ въ порохъ... — О. Этотъ динамитъ считается весьма хорошимъ при земляныхъ работахъ, онъ имѣетъ и свойство пороха и динамита. — В. Мнѣ кажется что свойства пороха въ немъ теряются. Мнѣ важно выяснитъ, имѣетъ ли этотъ динамитъ сильное метательное дѣйствіе? — О. Онъ будетъ имѣть большее метательное дѣйствіе, нежели другіе сорта динамита, на примѣръ кремнистый динамитъ или гремучій студень. — В. А мѣсто разрушенія какое будетъ? — О. Дѣйствіе его будетъ слабѣе, нежели другихъ сортовъ динамита. Нужно различать и самую сферу дѣйствія. При черномъ динамитѣ сфера дѣйствія больше, а при другихъ, на примѣръ, при кремнистомъ — мѣсто дѣйствія будетъ сильнѣе. — В. Но въ сферѣ дѣйствія чернаго динамита разрушеніе будетъ сравнительно меньшее, чѣмъ въ сферѣ дѣйствія кремнистаго динамита? — О. На маленькомъ пространствѣ онъ будетъ очень сильно дѣйствовать. — В. Вы полагаете, что этотъ динамитъ обладаетъ сильнымъ метательнымъ дѣйствіемъ? — О. Не сильнымъ, но онъ сильнѣе нежели другіе сорта динамита.

Эксперты *Лисовскій* и *Шахъ-Назаровъ* заявили, что они присоединяются къ заключенію г. Федорова.

Относительно степени разрушенія мины на Малой Садовой, эксперты полагали, что взрывъ мины образовалъ бы воронку отъ 2 съ половиной до 3 сажень въ діаметрѣ. Въ окружающихъ домахъ были бы выбиты рамы, обвалилась бы штукатурка и куски асфальта взлетѣли бы вверхъ; кромѣ того, въ домахъ могли бы разрушиться и печи. Что же касается стѣнъ домовъ, то, смотря по степени ихъ прочности, онѣ могли бы дать болѣе или менѣе значительныя трещины. Отъ взрыва пострадали бы всѣ проходившіе по панелямъ, ѣхавшіе по мостовой и даже люди, стоявшіе въ окнахъ нижнихъ этажей. Люди могли пострадать какъ отъ дѣйствія газовъ и сотрясенія, такъ и отъ кусковъ падающаго асфальта и карнизовъ.

Подс. Кибальчичъ, выслушавъ экспертизу заявилъ: Принимая діаметръ воронки въ три сажени, оказывается, что сфера разрушенія, происшедшаго отъ взрыва, была бы очень мѣстная; разстояніе отъ краевъ воронки до панелей, гдѣ стояли или шли люди, было бы все-таки значительное, такъ что мнѣ ка-

жется неоспоримымъ, что стоявшіе на панеляхъ не пострадали бы отъ сотрясенія и газовъ: могли бы пострадать только отъ обломковъ асфальта, но они взлетѣли бы вверхъ и только падая внизъ могли произвести ушибы. Вотъ весь вредъ, который могъ быть причиненъ взрывомъ постороннимъ лицомъ. Что касается до вреда домамъ, то не спорю, что окна были бы выбиты, какъ показалъ взрывъ метательныхъ снарядовъ, но чтобы обрушились печи и потолки, то я считаю это совершенно невѣроятнымъ. Я просилъ бы гг. экспертовъ привести изъ литературы предмета примѣръ, чтобы два пуда динамита на такомъ разстояніи произвели такое разрушительное дѣйствіе, о которомъ они говорятъ. Я полагаю, что взрывъ этой мины былъ бы даже менѣе разрушителенъ, чѣмъ взрывъ двухъ метательныхъ снарядовъ. Конечно, все, что находилось бы надъ воронкой, т.-е. экипажъ и конвой, погибли бы, но не больше.

ИЗЪ РѢЧИ ПРОКУРОРА Н. В. МУРАВЬЕВА.

Въ другомъ мѣстѣ, намъ неизвѣстномъ, можетъ быть въ Подъяческой, можетъ быть въ той уединенной комнатѣ, въ которой своимъ научнымъ изысканіямъ предавался Кибальчичъ, происходила выработка самихъ средствъ, самаго орудія преступленія. Нужно было много сдѣлать. Нужно было выработать типъ, идею, систему снаряда, нужно было подавать технические совѣты для устройства мины и въ то же время заботиться о разрушительномъ и спасительномъ дѣйствіи этой мины, нужно было заботиться о минимальномъ количествѣ динамита, чтобы онъ поражалъ только того, кого нужно, и не поражалъ другихъ. Эта задача лежала всецѣло на Кибальчичѣ. По этому поводу я останавливаю ваше вниманіе на довольно странномъ обстоятельствѣ, которое подробно изложено въ обвинительномъ актѣ, не отвергнуто подсудимыми и подтверждено при изслѣдованіи дѣла, а также показаніями на судѣ. Когда подсудимому Кибальчичу былъ предложенъ первый вопросъ о его участіи въ дѣлѣ, когда его спросили о метательныхъ снарядахъ, то онъ прежде всего заявилъ: «Да, это мои снаряды, это моя идея, моя система, мой типъ, я, я его одинъ изобрѣтатель, безъ всякихъ помощниковъ: это мой секретъ». А вы знаете, это типъ новый, эксперты этого типа не знаютъ, въ немъ все предусмотрѣно, такъ что онъ своей цѣли не достигнуть не можетъ. Затѣмъ прошло немного времени, пришлось перечитывать это показаніе и является уже другая мысль: «Да, но если я сказалъ, что эта идея моя, то она умретъ вмѣстѣ со мною, она никому не будетъ передана». Тутъ явилось другое объясненіе, тутъ интересы партіи оказались сильнѣе интересовъ научныхъ, тутъ въ Кибальчичѣ загово-

рилъ членъ соціально-революціонной партіи и явилось діаметрально-противоположное объясненіе. Пошелъ разговоръ, что не я одинъ, что еще есть двое, они на свободѣ, они могутъ продолжать. Помощники были, это не подлежитъ сомнѣнію, но пусть Кибальчичъ всецѣло оставитъ за собою идею изобрѣтенія и ея успѣшное дѣйствіе. Выработаны были орудія преступленія и началъ мало по малу слагаться и опредѣленный планъ.

На конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ вмѣстѣ съ Желябовымъ появился и Кибальчичъ, и здѣсь начались лекціи—я употребляю подлинное выраженіе Рысакова—лекціи Кибальчича о снарядахъ. Кибальчичъ привыкъ къ объясненію научныхъ предметовъ. Мы слышали здѣсь отъ него весьма обстоятельный, весьма связный разсказъ объ этомъ. Поэтому мы можемъ заключить, что его лекціи были ясны, послѣдовательны и вразумительны. Приносились же снаряды, но отдѣльные части ихъ, Кибальчичъ читалъ участникамъ будущаго злодѣянія, техническія наставленія и дѣлалъ пробы.

Судя по объясненіямъ, Кибальчичъ представляется спеціалистомъ, техникомъ, посвятившимъ себя на служеніе наукъ, и притомъ спеціалистомъ, усвоившимъ себѣ соціально-революціонныя убѣжденія, человекомъ мягкаго характера, мягкаго даже образа дѣйствій, если это возможно. Онъ говорилъ намъ, что лично онъ не способенъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Когда однако на судѣ слышишь мягкую, спокойную, ни на минуту не прерывавшуюся обстоятельную, тихую рѣчь Кибальчича, невольно приходитъ въ голову мысль: «Мягко стелеть, да жестко спать». Уроженецъ Черниговской губерніи, онъ, не окончивши курса наукъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, въ 1871 году поступилъ въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія, а оттуда въ 1873 году перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію, гдѣ по собственному показанію, и приобрѣлъ соціальныя убѣжденія. Въ это время ему было, по моему приблизительному разсчету, безъ малаго 20 лѣтъ. Между 1873 и 1875 гг. Кибальчичъ слушаетъ лекціи въ Академіи. Занимался ли онъ тамъ—этого мы не знаемъ; но въ 1875 году лѣтомъ мы застаемъ его живущимъ въ Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата. Здѣсь онъ передаетъ рядовому Притулѣ революціонную книжку подъ заглавіемъ: «Сказка о четырехъ братьяхъ». Производятъ у него обыскъ, находятъ цѣлый тюкъ революціонныхъ изданій и собраніе подложныхъ паспортовъ, его заключаютъ подъ стражу и возбуждаютъ дѣло, оконченное приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената 1-го мая 1878 года, присудившимъ Кибальчича за храненіе запрещенныхъ изданій къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ съ 1875 по 1878 годъ Кибальчичъ не дѣйствуетъ, онъ находится въ заключеніи. Но тюрьма еще

болѣе утверждаетъ Кибальчича въ социальныхъ убѣжденіяхъ, такъ что по освобожденіи онъ выходитъ съ окрѣпшими революціонными воззрѣніями, и осенью, послѣ арестовъ, произведенныхъ въ Петербургѣ послѣ убійства генераль-адъютанта Мезенцова, переходитъ на нелегальное положеніе. До осени 1879 года онъ, впрочемъ, повидимому, въ революціонной дѣятельности не принимаетъ активнаго участія, и объясняется это тѣмъ, что онъ не имѣлъ связей съ партіею, а связи были нужны въ партіи и въ ней нельзя было обойтись безъ социально-революціонной протекціи. Вскорѣ, все болѣе и болѣе присоединяясь къ партіи внутренно, Кибальчичъ, еще до формальнаго къ ней присоединенія, предвидя, что партіи придется вступить въ борьбу съ правительствомъ и употреблять въ борьбѣ такія вещества, какъ динамитъ, начинаетъ изучать все относящееся къ производству динамита, и изучаетъ, нужно отдать ему справедливость, съ научно добросовѣстностью, изучаетъ такъ, что дѣйствительно могъ сдѣлаться изобрѣтателемъ и составителемъ метательныхъ снарядовъ. Мы слышали, что онъ владѣетъ и, можетъ быть, только по этому случаю овладѣлъ языками, что онъ перечиталъ все, что могъ найти по литературѣ предмета — предмета: какъ странно звучитъ это слово, когда говоришь о динамитѣ, метательныхъ снарядахъ и другихъ орудіяхъ разрушенія! Весною 1879 года Кибальчичъ, прямо съ цѣлью предложить свои услуги партіи, знакомится съ Квятковскимъ и начинаетъ готовить динамитъ, какъ общественное достояніе партіи. Лѣтомъ 1879 года общіе революціонные интересы сводятъ его съ Желябовымъ, а въ 1880 году онъ оказывается въ Петербургѣ и, проживая въ разныхъ квартирахъ подъ разными именами, посвящаетъ все свое время мастерскимъ, гдѣ готовится динамитъ, и наконецъ является предъ вами обвиняемымъ въ злодѣяніи съ извѣстнымъ вамъ участіемъ.

РѢЧЬ ЗАЩИТНИКА ПРИС. ПОВ. ГЕРАРДА.

Гг. сенаторы и гг. сословные представители! Громадность и важность того преступленія, о которомъ вы произнесете вашъ приговоръ, близость дня, въ который совершилось событіе 1-го марта, съ сегодняшнимъ днемъ суда надъ нимъ, вполнѣ объясняютъ въ моихъ, по крайней мѣрѣ, глазахъ, ту страстность, съ которою все общество ждетъ вашего суда, ту страстность, благодаря которой люди, весьма серьезно относящіеся къ событіямъ, встрѣчающимся имъ въ жизни, привыкшіе анализировать причины и послѣдствія этихъ событій не могутъ подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ событія 1-го марта поступить въ данномъ случаѣ такъ, какъ они поступаютъ обыкновенно. Они видятъ предъ собою только ужасаю-

щій фактъ смерти усопшаго Государя отъ руки убійцъ и да-
лѣе этого ни впередъ, ни назадъ не идутъ. Мнѣ понятна и
та страстность, съ которой была сказана обвинительная рѣчь.
Я вполнѣ понимаю, что съ той точки зрѣнія, съ какой смот-
рить г. прокуроръ на самое событіе и съ которой, повторяю,
смотреть все общество, нельзя къ нему относиться иначе.
Но вы, гг. судьи, должны отрѣшиться отъ всякой страстнос-
ти: судъ не можетъ дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ страсти,
не можетъ судить одно происшествіе; онъ долженъ извѣснить
и причины. Судя подсудимыхъ, онъ не можетъ останавливать-
ся только передъ дѣйствіями преступника, онъ долженъ не-
премѣнно углубиться въ то, что могло его привести съ пути
законности къ преступленію, и чѣмъ оно важнѣе, чѣмъ даль-
ше путь отъ этой законности къ совершенному преступленію,
тѣмъ строже вы должны исполнить эту вашу обязанность.
Въ этомъ отношеніи исторія подсудимаго Кибальчича весьма,
на мой взглядъ, назидательна. Кибальчичу теперь 27 лѣтъ;
въ 1871 году, слѣдовательно 17-ти лѣтъ, онъ окончилъ курсъ
въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Если онъ кончилъ курсъ
17-ти лѣтъ, то это уже указываетъ на человѣка, который
былъ одаренъ отъ природы прилежаніемъ и способностями,
выходящими изъ ряда. Въ этомъ возрастѣ рѣдко оканчиваютъ
курсъ. Итакъ, въ 1871 году онъ окончилъ курсъ гимназіи
съ медалью и явился въ Петербургъ для полученія высшаго
образованія. Мы видимъ, что до 1873 года онъ воспитывается
въ Институтѣ путей сообщенія, но затѣмъ въ 1873 году онъ
переходитъ въ Медико-Хирургическую Академію. До 1875 года
когда, помимо его воли, теченіе ученія прекратилось, онъ не
бездѣйствовалъ въ Академіи. Въ 1875 году онъ былъ на 3-мъ
курсѣ, слѣдовательно онъ въ теченіи этого времени аккурат-
но переходилъ изъ курса въ курсъ. Занятія шли успѣшно, но
въ октябрѣ 1875 года были прерваны его арестомъ. Дѣло о
прежней судимости Кибальчича передъ вами, и я считаю сво-
ею обязанностью указать на это дѣло, какъ указано и въ
обвинительномъ актѣ, но только съ большею подробностью.
За что же былъ арестованъ въ 1875 году Кибальчичъ и за
что онъ судился въ 1878 году? Лѣтомъ онъ провелъ канику-
лы въ имѣніи своего брата, въ Киевской губерніи, Липецкаго
уѣзда. Намъ говорятъ, онъ сближался съ крестьянами. Да, но
потому, что тамъ другого-то общества не было, и понятное
дѣло, что желаніе познакомиться съ народомъ, я не стану
этого отрицать, желаніе сблизиться съ нимъ было у Кибаль-
чича и тогда. При этомъ общеніи съ народомъ онъ никому
не говорилъ ничего противузаконнаго, ничего такого, что
могло бы быть поставлено ему въ упрекъ на судѣ. Онъ мно-
гимъ крестьянамъ раздавалъ большое количество разныхъ
книгъ, и всѣ, за исключеніемъ одной, оказались дозволенны-

ми къ чтенію. Только одному крестьянину Притулѣ онъ передалъ книжку подъ названіемъ «Сказка о четырехъ братьяхъ», книжку противузаконнаго содержанія. Вотъ, гг. судьи, эта-то книжка поступила къ этому свидѣтелю съ такими предисловіями и указаніями, что свидѣтель, передавъ ее другому, не вынесъ изъ чтенія ея ничего противузаконнаго. У него не осталось впечатлѣнія, что это была книга запрещенная. То же самое было и съ тѣмъ крестьяниномъ, которому онъ ее передалъ, а затѣмъ и третьему, но наконецъ получилъ эту книжку священникъ и представилъ ее по начальству. Началось дознаніе, которое выяснило именно то, что я сейчасъ изложилъ. Кибальчичъ тѣмъ временемъ продолжалъ учиться въ Медико-Хирургической Академіи. Въ одно утро въ Академіи къ нему обращается инспекторъ и говоритъ, что пришла полиція и спрашивала его. Кибальчичъ до такой степени чувствовалъ себя невиннымъ передъ закономъ и правительствомъ, что немедленно отправился въ полицію и спросилъ, зачѣмъ его искали. Тутъ онъ былъ арестованъ, причемъ былъ сдѣланъ обыскъ въ его квартирѣ, и дѣйствительно, въ этой квартирѣ, которую посѣщала масса болѣе или менѣе знакомыхъ ему людей, нашли тюкъ съ запрещенными книгами и разными паспортами; тюкъ совершенно задѣланный, котораго за два или три дня передъ тѣмъ, по показанію квартирной хозяйки, не было у Кибальчича. Когда онъ былъ спрошенъ, то заявилъ, что тюкъ этотъ принесенъ ему однимъ знакомымъ, котораго онъ не назвалъ, и объяснилъ, что онъ не зналъ, что находится въ тюкѣ, и надо думать, онъ сказалъ правду, потому что, если бы онъ зналъ, что въ немъ находится, то неужели, узнавъ, что его ищетъ полиція, онъ не побѣжалъ бы прежде въ квартиру, чтобы скрыть этотъ тюкъ? Итакъ, 11-го октября 1875 года онъ былъ арестованъ по обвиненію въ передачѣ запрещенной книжки крестьянину Притулѣ, былъ арестованъ и препровожденъ въ Кіевскій тюремный замокъ, но сначала произведено дознаніе въ Петербургѣ, продолжавшееся до іюня 1876 года; Кибальчичъ былъ заключенъ въ тюремный замокъ и приступлено было къ производству формальнаго слѣдствія черезъ члена судебной палаты.

Первоприсутствующій. Я пригласилъ бы васъ, г. защитникъ, эту часть вашей рѣчи сократить, такъ какъ Особое Присутствіе, разрѣшившее вамъ ссылаться на производство дѣла о Кибальчичѣ, находящееся въ виду присутствія, тѣмъ самымъ считаетъ своею обязанностью ознакомиться съ нимъ во всей подробности.

Прис. пов. Герардъ. Я прошу только позволенія хронологически повторить ходъ этого дѣла, потому что, по моему глубокому убѣжденію, то направленіе, которое отъ 1874 до 1878 года наша судебная администрація давала политическимъ процес-

самъ, играетъ громадную роль при разъясненіи всего настоящаго дѣла. Я и прошу разрѣшить мнѣ только бѣгло указать вамъ въ хронологическомъ порядкѣ главные фазисы того дѣла.

Первоприсутствующій. Къ этому я васъ и приглашаю.

Прис. пов. Герардъ. Въ ноябрѣ 1876 года слѣдствіе было кончено и представлено въ министерство юстиціи. Въ февралѣ 1877 года оно внесено въ Особое Присутствіе Правительствующаго Сената, разбиравшее тогда дѣла по политическимъ преступленіямъ. Обвинительный актъ былъ составленъ, но въ него вкралась ошибка, вслѣдствіе чего Особое Присутствіе, въ февралѣ 1877 года, возвратило обвинительный актъ товарищу оберъ-прокурора для исправленія этой ошибки. Ошибка была исправлена въ декабрѣ, наконецъ 1-го мая 1878 года состоялся судъ надъ Кибальчичемъ, т.-е. чрезъ 2 года и 8 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія. Особое Присутствіе Правительствующаго Сената не признало возможнымъ обвинить Кибальчича въ томъ грозномъ обвиненіи, которое было выставлено противъ него. Оно признало, что въ данныхъ дѣйствіяхъ Кибальчича нѣтъ признака этого преступления. Когда сегодня представитель обвинительной власти говорилъ о прежнихъ приговорахъ Особаго Присутствія, онъ указывалъ на то, что на судъ противъ такого-то подсудимаго улики оказались недостаточными для обвиненія во взведенномъ на него преступленіи. Но вѣдь это не такъ. Улики на судъ въ Особомъ Присутствіи всегда одни и тѣ же, которыя имѣются на дознаніи и на предварительномъ слѣдствіи. Особое Присутствіе — не судъ присяжныхъ засѣдателей, предъ вами открыты все акты и дознанія предварительнаго слѣдствія, такъ какъ Особому Присутствію эти производства открыты. Они, конечно, провѣряются на судѣ, и эта провѣрка можетъ ихъ поколебать, опровергнуть, но не дѣлаетъ пробѣла въ уликахъ. Итакъ, Кибальчичъ былъ признанъ виновнымъ только въ такомъ преступленіи, которое можетъ влечь за собою лишь дисциплинарное взысканіе. Онъ и подвергся одномѣсячному тюремному заключенію, которое и отбылъ. Въ началѣ іюня 1878 года онъ вышелъ изъ тюрьмы послѣ почти трехлѣтняго заключенія до суда и одномѣсячнаго заключенія по приговору суда. Выйдя такимъ образомъ на свободу, Кибальчичъ подалъ прошеніе въ Медико-Хирургическую Академію о поступленіи въ нее вновь и сталъ хлопотать объ этомъ, но, къ сожалѣнію, въ это время революціонная партія вступила уже на террористическій путь... Въ августѣ 1878 года въ Петербургѣ было совершено убійство генераль-адъютанта Мезенцова, и вслѣдствіе этого одною изъ административныхъ мѣръ была высылка изъ Петербурга всѣхъ лицъ, которыя когда-либо привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ по политическимъ процессамъ, независимо отъ того, были ли они обвинены или оправданы. Эта

мѣра должна была постигнуть и Кибальчича, потому что у него еще не было опредѣленныхъ занятій, онъ еще хлопоталъ о поступленіи въ Академію. Можетъ быть, если бы онъ поступилъ, то по заступничеству начальника Академіи его могли бы оставить, но тутъ онъ зналъ навѣрное, что будетъ высланъ административнымъ порядкомъ... Я не буду говорить о несправедливости этой мѣры, полагая, что она уже осуждена...

Первоприс. Это не подлежитъ нашему обсужденію.

Прис. пов. Герардъ. Я укажу только на практическую непригодность этой мѣры, какъ показали всѣ процессы...

Первоприс. Этотъ предметъ не подлежитъ нашему обсужденію.

Прис. пов. Герардъ. Я хотѣлъ только сказать, что людей энергичныхъ, которые готовы рѣшиться на дѣйствительно дѣятельную борьбу съ правительствомъ,— эта мѣра никогда почти не касается; имъ открывается сейчасъ же путь нелегальнаго положенія, и вотъ это-то нелегальное положеніе поставило Кибальчича на то мѣсто, на которомъ вы его видите. Разъ вступивъ на путь нелегальнаго человѣка, тутъ уже до всякихъ крайнихъ теорій, даже до терроризма одинъ только шагъ; а однажды человѣкъ вступаетъ на путь терроризма, то, само собой разумѣется, это человѣкъ уже погибшій. Гг. судьи, г. прокуроръ часть своей рѣчи посвятилъ на изысканіе причинъ, откуда можетъ являться террористическая партія въ Россіи. Конечно, къ изысканію этихъ причинъ, я въ этомъ убѣжденъ, г. прокурора привела мысль о томъ, да какъ же избавиться отъ этой тревоги, въ которой террористическая партія держитъ цѣлую Россію. Я совершенно также постоянно мыслилъ объ этомъ предметѣ, онъ постоянно меня тревожилъ и тревожить, и много разъ, слѣдя за прежними процессами, участвуя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ качествѣ защитника, я старался понять, откуда можетъ произойти у насъ подобное явленіе, и прихожу къ тому заключенію, что въ тѣхъ мѣрахъ, съ которыми прежде относилась къ преслѣдуемымъ по политическимъ процессамъ наша судебная администрація, много таится. Мнѣ скажутъ: но вѣдь эти случаи единичны. Нѣтъ, взгляните въ процессъ 193-хъ, и вы увидите, что по оному было привлекаемо по подозрѣнію въ политическихъ преступленіяхъ болѣе 1.000 человѣкъ.

Первоприс. Вы отвлекаетесь отъ предмета защиты, отъ фактовъ настоящаго дѣла. Вы можете указывать на это въ общихъ чертахъ, но возбуждать вопросъ о дѣлахъ давно минувшихъ, разбирать ихъ, входить почти въ существо производства—не представляется надобности. Я уже указывалъ вамъ, что, во первыхъ, Особое Присутствіе будетъ имѣть въ виду эти производства, и, во вторыхъ, вы утомляете вниманіе Осо-

баго Присутствія вещами, не подлежащими его сужденію, такъ какъ оно желаетъ и конечно будетъ неутоимо для всего серьезнаго, какъ въ интересахъ обвиненія, такъ и въ интересахъ защиты по настоящему дѣлу. Поэтому я приглашаю васъ освободить Особое Присутствіе отъ излишнихъ подробностей, по моему мнѣнію, не имѣющихъ для настоящаго дѣла никакого вліянія и весьма мало разясняющихъ его.

Герардъ. Я думалъ, что если бы я могъ указать на факты, хотя мало разясняющіе это важное дѣло, то мнѣ не будетъ это поставлено въ упрекъ...

Первоприс. Конечно, это вліяніе будетъ имѣть значеніе, если вы обратите вниманіе Особого Присутствія на процессъ о 193-хъ по отношенію къ настоящему дѣлу...

Герардъ. Я въ этомъ отношеніи и прошу васъ обратить вниманіе на процессъ 193-хъ. Изъ этого процесса вы почерпнете очень много данныхъ для сужденія о причинахъ появленія у насъ террористической партіи. Затѣмъ обращаюсь къ подсудимому Кибальчичу. Я прошу васъ прежде всего замѣтить, что г. прокуроръ, выставляя одно общее положеніе, что у всѣхъ обвиняемыхъ одинаковая программа дѣйствій, одинаковыя задачи, одинаковыя мысли, одинаковыя эмблемы, которыя [доказываютъ принадлежность ихъ къ социальнореволюціонной партіи, ничего не могъ указать въ этомъ смыслѣ по отношенію къ Кибальчичу. Свои указанія на принадлежность къ террористической партіи г. прокуроръ раздѣлилъ на двѣ части: на революціонное прошлое и на тѣ предметы, которые оказались, по обыску, какъ имъ принадлежащіе. Относительно революціоннаго прошлаго я уже сказалъ. Что могу я сказать относительно того, что у Кибальчича было найдено? Печатныя и рукописныя изданія и замѣтки. Я считаю своей обязанностью обратить вниманіе Особого Присутствія на книги и рукописи, найденныя у подсудимаго. У него не было найдено ничего такого, на что указывалъ г. прокуроръ, какъ на признакъ дѣйствительной принадлежности къ террористической партіи. Напротивъ того, я прошу обратить вниманіе на рукопись, озаглавленную «Переходное положеніе для земства». Кибальчичъ писалъ эту рукопись, очевидно, въ самое послѣднее время, даже, какъ видно, онъ перебѣлялъ ее уже послѣ 1-го марта. Само собою разумѣется, что если вамъ говорятъ, что террористъ занимался вопросомъ о положеніи земства, то вамъ прежде всего представляется слѣдующая картина: что долженъ былъ писать этотъ террористъ? Онъ долженъ былъ писать уже никакъ не объ отношеніяхъ земства и администраціи, потому что для террориста никакой администраціи не нужно; для него нужна полная нивелировка всего. Такъ дѣйствительно и проповѣдуется въ программѣ террористической партіи. Я прошу васъ прочесть хотя три,

четыре страницы этой рукописи Кибальчича, и вы увидите, что онъ задается самыми скромными идеалами, о' большей самостоятельности земства по отношенію къ администраціи. Напримѣръ, онъ находитъ, что земство не имѣетъ достаточно самостоятельности, и онъ желаетъ, чтобы оно имѣло ея больше. Такимъ образомъ, я думаю, что въ самомъ участіи Кибальчича въ этомъ дѣлѣ есть громадное недоразумѣніе. Когда я явился къ Кибальчичу, какъ назначенный ему защитникъ, меня прежде всего поразило, что онъ былъ занятъ совершенно инымъ дѣломъ, ничуть не касающимся настоящаго процесса. Онъ былъ погруженъ въ изысканіе, которое онъ дѣлалъ о какомъ-то воздухоплавательномъ снарядѣ; онъ жаждалъ, чтобы ему дали возможность написать свои математическія изысканія объ этомъ изобрѣтеніи. Онъ ихъ написалъ и представилъ по начальству. Вотъ съ какимъ человѣкомъ вы имѣете дѣло. Я далекъ отъ мысли сказать какое-нибудь слово въ оправданіе цареубійства, сказать слово въ оправданіе террора — нѣтъ, какъ то, такъ и другое вполне отвратительно, но я долженъ вамъ сказать, господа, что то наказаніе, назначить которое вамъ предлагаетъ г. прокуроръ...

Первоприс. О наказаніи вы будете говорить въ свое время.

Герардъ. Но за обвиненіемъ слѣдуетъ наказаніе, и я говорю объ обвиненіи. Г. прокуроръ, требуя наказанія, видитъ въ немъ лѣчение отъ того зла, съ которымъ намъ всѣмъ нужно бороться, а я говорю, что это наказаніе только и будетъ наказаніемъ, а не лѣченьемъ.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО КИБАЛЬЧИЧА.

О своемъ фактическомъ отношеніи къ событію 1-го марта я говорилъ уже раньше. Теперь, пользуясь правомъ слова, мнѣ предоставленнымъ, я скажу о своемъ нравственномъ отношеніи, о томъ логическомъ пути, по которому я пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ. Я, въ числѣ другихъ социалистовъ, признаю право каждаго на жизнь, свободу, благосостояніе и развитіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія отнятіе жизни человѣка, и не съ этой только, но и вообще съ человѣческой точки зрѣнія — является вещью ужасною. Г. прокуроръ въ своей рѣчи, блестящей и красивой, заявилъ сомнѣніе на мое возраженіе, высказанное раньше, что для меня лично и для партіи вообще желательно прекращеніе террористической дѣятельности и направленіе силы партіи исключительно на дѣятельность другую, онъ выставилъ въ частности меня и вообще партію лицами, проповѣдующими терроръ для террора, выставилъ лицами, предпочитающими насильственные дѣйствія мирнымъ средствамъ только потому, что онѣ насильствен-

ныя. Какая это странная, невѣроятная любовь къ насилию и крови! Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ извѣстно, мирное рѣшеніе вопроса.

Первоприс. Я приглашаю васъ касаться только вашей защиты.

Кибальчичъ. Г. прокуроръ говорилъ, что весьма важно выясненіе нравственной личности подсудимаго. Я полагаю, что то, что я говорю, относится къ характеристикѣ моей нравственной и умственной личности, если я заявляю свое мнѣніе объ извѣстныхъ существенныхъ вопросахъ, которые теперь волнуютъ всю Россію и обращаютъ на себя вниманіе. Я внимательно слѣдилъ за рѣчью г. прокурора, и именно за тѣмъ, какъ онъ опредѣляетъ причину революціоннаго движенія, и вотъ что я вынесъ: произошли реформы, всѣ элементы были передвинуты, въ обществѣ образовался негодный осадокъ, этому осадку нечего было дѣлать, и чтобы изобрѣсти дѣло, этотъ осадокъ изобрѣлъ революцію. Вотъ отношеніе г. прокурора къ этому вопросу. Теперь въ отношеніи къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы эти печальныя событія, которыя всѣмъ извѣстны, больше не повторялись, какъ вѣрное для этого средство имъ указывается на то, чтобы не давать никакихъ послабленій, чтобы карать и карать, но, къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ г. прокуроромъ въ томъ, чтобы рекомендованное имъ средство привело къ желательному результату. Затѣмъ уже по частному вопросу я имѣю сдѣлать заявленіе на счетъ одной вещи, о которой уже говорилъ мой защитникъ. Я написалъ проектъ воздухоплавательнаго аппарата. Я полагаю, что этотъ аппаратъ вполне осуществимъ. Я представилъ подробное изложеніе этого проекта съ рисунками и вычисленіями. Такъ какъ, вѣроятно, я уже не буду имѣть возможности выслушать взгляда экспертовъ на этотъ проектъ и вообще не буду имѣть возможности слѣдить за его судьбою, и возможно предусмотрѣть такую случайность, что кто-нибудь воспользуется этимъ моимъ проектомъ, то я теперь публично заявляю, что проектъ мой и эскизъ его, составленный мною, находится у г. Герарда.

Встрѣча съ Н. И. Кибальчичемъ.

Нѣсколько разъ въ жизни мнѣ на опытѣ пришлось убѣдиться, что легко можно пройти мимо крупнаго характера или крупнаго ума, благодаря обыденной внѣшности или пріемамъ обладателя этого ума или характера. Каждый разъ такая недооцѣнка людей причиняла мнѣ большой стыдъ за себя и даже боль отъ чувства вины передъ человѣкомъ; съ другой стороны—каждый такой случай доказывалъ мнѣ, что среда людская заключаетъ въ себѣ во множество разъ больше крупныхъ умовъ и характеровъ, чѣмъ сколько ихъ становится намъ извѣстными. — Даже въ средѣ культурной и интеллигентной не рѣдки примѣры того, что лучшія головы и лучшія сердца долгое время (сравнительно) остаются въ сторонѣ отъ руководства тѣмъ или инымъ движеніемъ и даже не вызываютъ къ себѣ особаго вниманія со стороны товарищей своихъ.

Кибальчичъ представлялъ собой яркій образецъ чистой души и сильнаго ума, замкнутаго въ скромную, обыденную оболочку. — Быть можетъ, при болѣе близкомъ личномъ знакомствѣ, мнѣ удалось бы скорѣе распознать величіе его души и прослѣдить его способность самостоятельно приходить къ смѣлому и вѣрному рѣшенію важныхъ и сложныхъ вопросовъ, но, къ большому моему сожалѣнію, знакомство наше ограничилось перепиской и мимолетными свиданіями въ тюремной церкви или черезъ рѣшетки въ залѣ свиданій....

Когда меня, въ числѣ другихъ семидесяти человѣкъ, переправили къ суду изъ крѣпости въ Д. П. З., Кибальчичъ былъ уже тамъ, въ ожиданіи окончанія своего дѣла. — Въ то время въ Д. П. З. сидѣло множество народа со всѣхъ концовъ Россіи по разнымъ, большимъ и маленькимъ, процессамъ, и это густое заселеніе тюрьмы политическими дѣлало невозможными обычныя тюремныя строгости. Измученные долгимъ одиночествомъ, заключенные съ жадностью бросились на возможность общенія между собою, завязывались знакомства и тайныя перекрестныя переписки, позволившія не только переизвеститься другъ съ другомъ, но и войти въ тѣсныя дружескія отношенія.

До переѣзда въ Д. П. З. я ничего не знала о Кибальчичѣ и до получения отъ него перваго его письма даже не слыхала о немъ. Не помню содержанія этого перваго письма, какъ и всѣхъ послѣдующихъ въ отдѣльности, помню только, что на меня произвела впечатлѣніе простота тона и почти дѣтская правдивость его. Я показала его ближайшимъ товаркамъ, но

и онъ ничего не знали объ авторѣ письма и тогда я запросила друзей, сидѣвшихъ въ мужскомъ отдѣленіи. Отвѣтили мнѣ, что сидитъ Кибальчичъ по своему не большому дѣлу, что парень онъ хорошій, но что интереса собою не представляетъ. — Я отвѣтила Кибальчичу по товарищески и онъ сталъ часто и много писать. Его длинныя, безъискусственныя, однотонныя письма подробно и шагъ за шагомъ излагали ходъ его чувствованій и мыслей, съ того времени, какъ онъ близко столкнулся съ рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. Въ письмахъ своихъ онъ касался и лицъ, и сосѣдей лишь по столыку, по скольку и тѣ и другіе отзывались и вліяли на образованіе его революціоннаго міросозерцанія и на его готовность встать въ тѣ или иныя отношенія къ дѣйствовавшей партіи. Разбирая эволюцію своего міровоззрѣнія, перебирая хотя и постепенную, но крупную душевную ломку, оставляя позади себя теорію мирной пропаганды и увлекаясь все болѣе и болѣе въ сторону чисто революціонной борьбы, Кибальчичъ, какъ человѣкъ съ глубокой натурой, переживалъ тогда очень трудный, очень тяжелый и потому всецѣло захватывавшій его періодъ развитія. Этотъ сильный ростъ души его, поглотившій все его вниманіе, оставлялъ мало мѣста и времени для горячаго отношенія къ тому, что дѣлалось вокругъ него. Окруженный бурнымъ обществомъ чуть не трехсотъ товарищей революціонеровъ, ежедневный свидѣтель рѣзкихъ протестовъ ста девяносто трехъ противъ царскаго суда, длившагося около полугода, вольный и не вольный слушатель рѣчей и словопрепій, весь день раздававшихся во дворѣ изъ окопъ окружающихъ его камеръ, — онъ умудрялся писать длинныя письма, гдѣ подробно рассказывалъ сначала о томъ, какъ онъ безусловно вѣрилъ въ возможность добиться справедливости путемъ убѣжденій и мирнаго протеста и какъ не смотря на это его посадили въ тюрьму; потомъ описывалъ свои впечатлѣнія отъ чигиринскаго дѣла и, по поводу Стефановича, распространялся о роли личности въ исторіи; противникъ обмана и всякой фальши по отношенію къ народу, онъ все же не могъ не простить этого обманъ лично тому человѣку, который совершилъ его только изъ любви къ этому самому народу.

Онъ былъ мягокъ, тягучъ и какъ бы задумчивъ въ своихъ письмахъ. Видно было, что все время онъ уяснялъ себѣ вопросы, которые ставило ему движеніе, и искалъ отвѣта и въ собственномъ разумѣ и въ убѣжденіяхъ своихъ товарищей. Такая постановка переписки вызвала горячіе, а, можетъ быть, и рѣзкіе возраженія и отвѣты съ моей стороны, такъ какъ у меня, значительно старшей Кибальчича, уже не было ни сомнѣній, ни опасеній, волновавшихъ его. Первые мѣсяцы судамы сидѣли еще въ одиночкахъ и далеко не всѣ письма, по-

лучаемыя каждой изъ насъ, могли прочитываться сообща; когда же насъ, приговоренныхъ къ Сибири, посадили вмѣстѣ, тогда вся переписка стала общей, всѣ получаемыя отъ товарищей изъ крѣпости и въ самой Предварилкѣ письма читались громко, внося оживленіе, вызывая шумные разговоры и смѣну настроеній. Читались и письма Кибальчича, но послѣ одного, двухъ разъ товарки пожелали читать ихъ послѣдними и мнѣ самой было обидно за то, что они не вызывали къ себѣ должнаго интереса, казались скучными, приводили въ непріятное удивленіе людей, уже вполне готовыхъ ринуться въ самый страшный бой, людей, близкихъ же тогда къ появившейся послѣ программѣ Народной Воли: — Всѣ письма свои ко мнѣ Кибальчичъ начиналъ обращеніемъ: «Катерина!», широко растянувъ его по всей четвертушкѣ почтового листа. Эта непривычная форма обращенія ужасно смѣшила нашу компанію, и очень скоро самого Кибальчича прозвали «Катериной» и всѣ дружно кричали: «Катерину читать послѣ всѣхъ!...» «Ну, ужъ эта Катерина, опять растянула свои мысли на двухъ листахъ...» «Читай сама свою Катерину...» Случалось, что не давали дочитать посланія до конца. Наша дружная компанія до того сжилась съ интересами каждаго изъ насъ, что нерѣдко на письма товарищей отвѣчала не та, которая получила письмо, а другая за нее, смотря по тому, что кому особенно понравилось или не понравилось; но на письма Кибальчича не было охотницъ отвѣчать, и мнѣ всегда приходилось это дѣлать самой, а иногда и запаздывать съ отвѣтомъ. Тогда получались посланія еще болѣе длинныя съ требованіемъ отвѣта на всѣ поставленные вопросы. Но у меня не хватало терпѣнія отвѣчать по пунктамъ. Часто, отправивъ письмо, я казалась въ недостаточности вниманія и терпѣнія, въ недостаточности спокойствія и сдержанности, иногда боялась, что мой корреспондентъ разсердится или обидится на меня и уже готова была писать покаянную, какъ въ слѣдующую же «почту» приходило толстое письмо отъ «Катерины», гдѣ она съ неистощимымъ терпѣніемъ доказывала, что ее не вполне поняли въ тѣхъ-то и тѣхъ-то мѣстахъ, и вслѣдъ за этимъ продолжала излагать дальнѣйшія свои соображенія и ставить новые вопросы. Эта списходительность «Катерины» и ея упорство въ разбирательствѣ занимавшихъ ее вопросовъ стали смягчать сердца компаніи, тѣмъ болѣе, что почти не было письма, въ которомъ бы хотя въ самой малой степени не проскальзывало слѣдовъ поступательнаго движенія въ сторону тѣхъ убѣжденій, той теоріи, которую мы признавали наилучшей. По мѣрѣ того какъ Кибальчичъ отвосвывалъ своей упорной работой мысли одно положеніе за другимъ, онъ становился все ближе къ намъ, и когда разногласія между нимъ и нами уменьшились до того, что насъ уже раздѣляло неболь-

шое пространство мысли (если можно такъ сказать)—мы сразу замѣтили близость, возрадовались успѣхамъ и стали еще горячѣе настаивать на полномъ соглашеніи. — И время было горячее. Судъ нашъ окончился, мы ждали высылки, но сердца наши были полны интереса къ текущимъ событіямъ. Мы знали что «на волѣ» остаются товарищи, — и старые, вышедшіе по нашему процессу, и новые успѣвшіе народиться за четыре года нашего сидѣнья, — которые продолжаютъ борьбу и готовятся къ крупнымъ событіямъ, къ жестокому бою. Мы жадно слѣдили за тѣмъ, какъ чувства и мысли, отвергаемые еще полгода назадъ съ силой и страстью, уже завладѣли сердцами и умами и старыхъ и новыхъ борцовъ; какъ набирались полки ихъ, какъ воодушевлялись эти полки при первомъ громѣ террористическихъ ударовъ въ Питерѣ, въ Кіевѣ.... Каждый стойкій человѣкъ, увеличивавшій собою, ряды борцовъ нашихъ былъ намъ и милъ и дорогъ. — Умный, положительный Кибальчичъ всматривался издали, слѣдилъ, взвѣшивалъ, соразмѣрялъ. Онъ тоже ждалъ рѣшенія своего дѣла, но ждалъ съ увѣренностью, что его выпустятъ на волю, такъ какъ дѣло, по которому онъ былъ взятъ не могло повлечь за собою серьезнаго приговора. Онъ ждалъ, уже твердо зная, что изъ воротъ тюрьмы онъ прямо пойдетъ въ станъ революціи, что уже нѣтъ сомнѣній въ немъ на счетъ выбора путей, какъ служить человѣчеству. Но средства, средства!.... Ахъ, какъ мучилъ его этотъ вопросъ, какъ силился онъ рѣшить его себѣ такъ, чтобы не было чего нибудь недодуманнаго, чтобы поворотъ былъ невозможенъ, чтобы мягкая и справедливая натура не смогла когда нибудъ возмутиться ошибкою или поспѣшностью его ума.

Часъ близился. Многолюдныя свиданія съ отъѣзжающими приносили все новыя вѣсти о томъ, какъ народъ нашъ валитъ на собранія, какъ онъ сговаривается выступить на работу, къ какимъ рѣшеніямъ приходитъ. Со свиданій возвращались въ камеры съ карманами, полными записокъ, въ которыхъ нерѣдко излагались цѣлые планы организаций, съ описаніемъ ихъ мельчайшихъ подробностей. Весь остальной день обсуждали полученные проекты, спорили, критиковали, соглашались.... на другой день садились писать отвѣты. Письма Кибальчича становились все короче и рѣшительнѣе, онъ подводилъ итоги всѣмъ нашимъ предыдущимъ спорамъ, добросовѣстно выставлялъ всѣ пункты за и противъ и смѣло признавалъ себя побѣжденнымъ по главнымъ своимъ возраженіямъ. Оставались еще нѣсколько слабыхъ доводовъ, которые онъ ставилъ не изъ упрямства, а изъ желанія выяснить себѣ самому всѣ остатки сомнѣній. Въ одинъ изъ тревожныхъ дней, переживаемыхъ въ Д. П. З. передъ отправкой, получилась «почта» и небольшая записка отъ «Катерины». Вслѣдъ

за обращеніемъ стояли такія слова (привожу по памяти): «Даю слово, что все мое время, всѣ мои силы я употреблю на служеніе революціи посредствомъ террора. Я займусь такой наукой, которая помогла бы и мнѣ и товарищамъ, приложить свои силы самымъ выгоднымъ для революціи образомъ. Очень можетъ быть, что цѣлые годы придется работать надъ тѣмъ, чтобы добыть нужныя знанія, но я не брошу работы, пока не буду убѣжденъ въ томъ, что достигъ того, чего мнѣ надо...» Затѣмъ онъ нѣжно прощался съ нами и увѣрялъ, что и наша пѣсня еще не спѣта, что мы еще вернемся на поле брани...

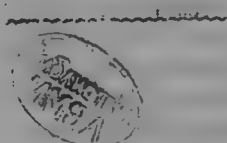
Это было послѣднее письмо его ко мнѣ. Оно особенно врезалось въ память, потому что представило намъ «Катерину» совершенно въ новомъ для насъ свѣтѣ и заставило насъ торжествовать: такой тихій, скромный, терпѣливый, основательный—идетъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ. Значитъ, будетъ работать, не повернетъ въ сторону...

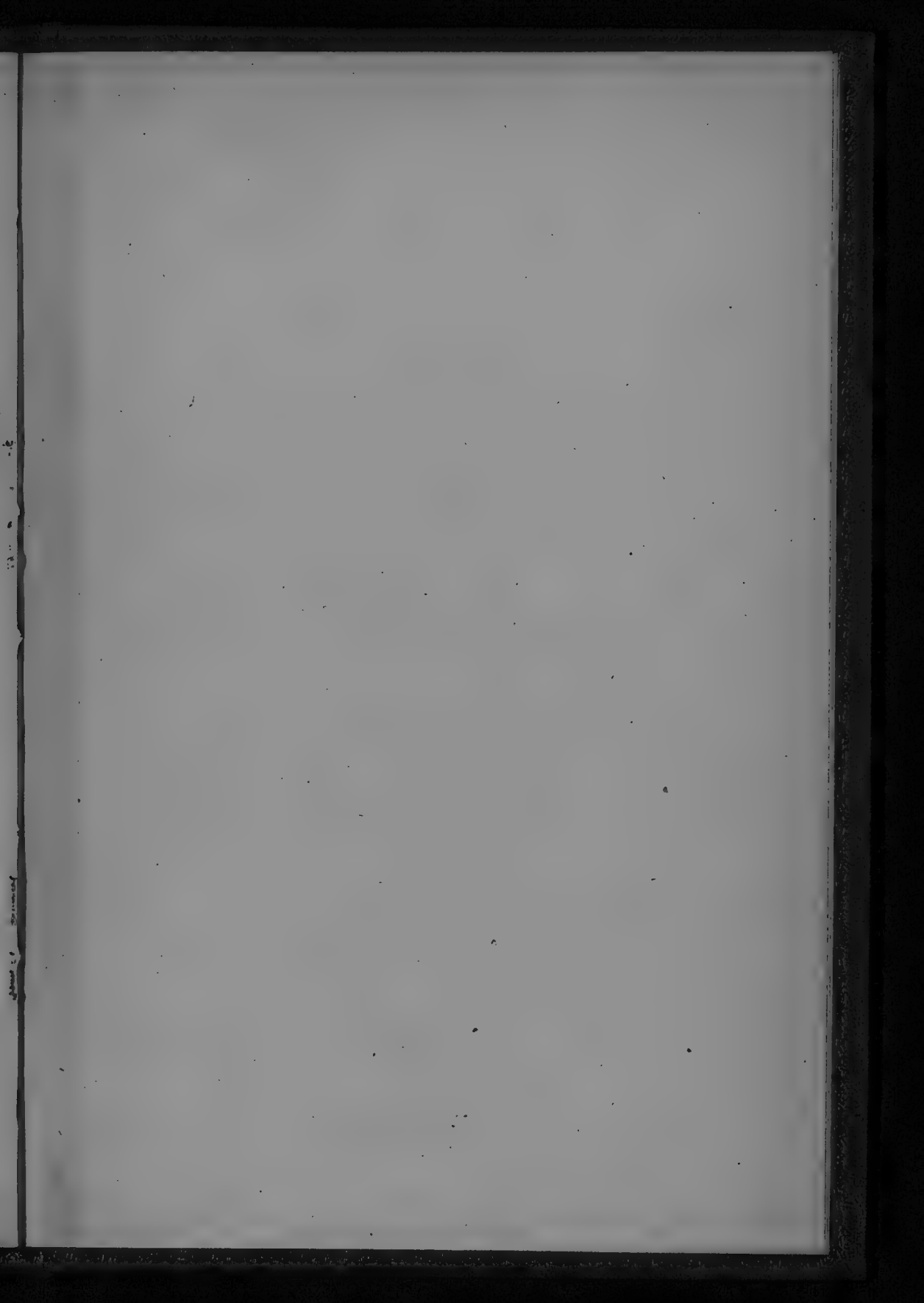
Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ случилось жить далеко отъ Петербурга, въ одномъ помѣщеніи съ нѣсколькими женщинами, изъ которыхъ нѣкоторыя работали съ Кибальчичемъ надъ приготовленіемъ взрывчатыхъ составовъ, участвовали въ роли хозяекъ и кухарокъ квартиръ.

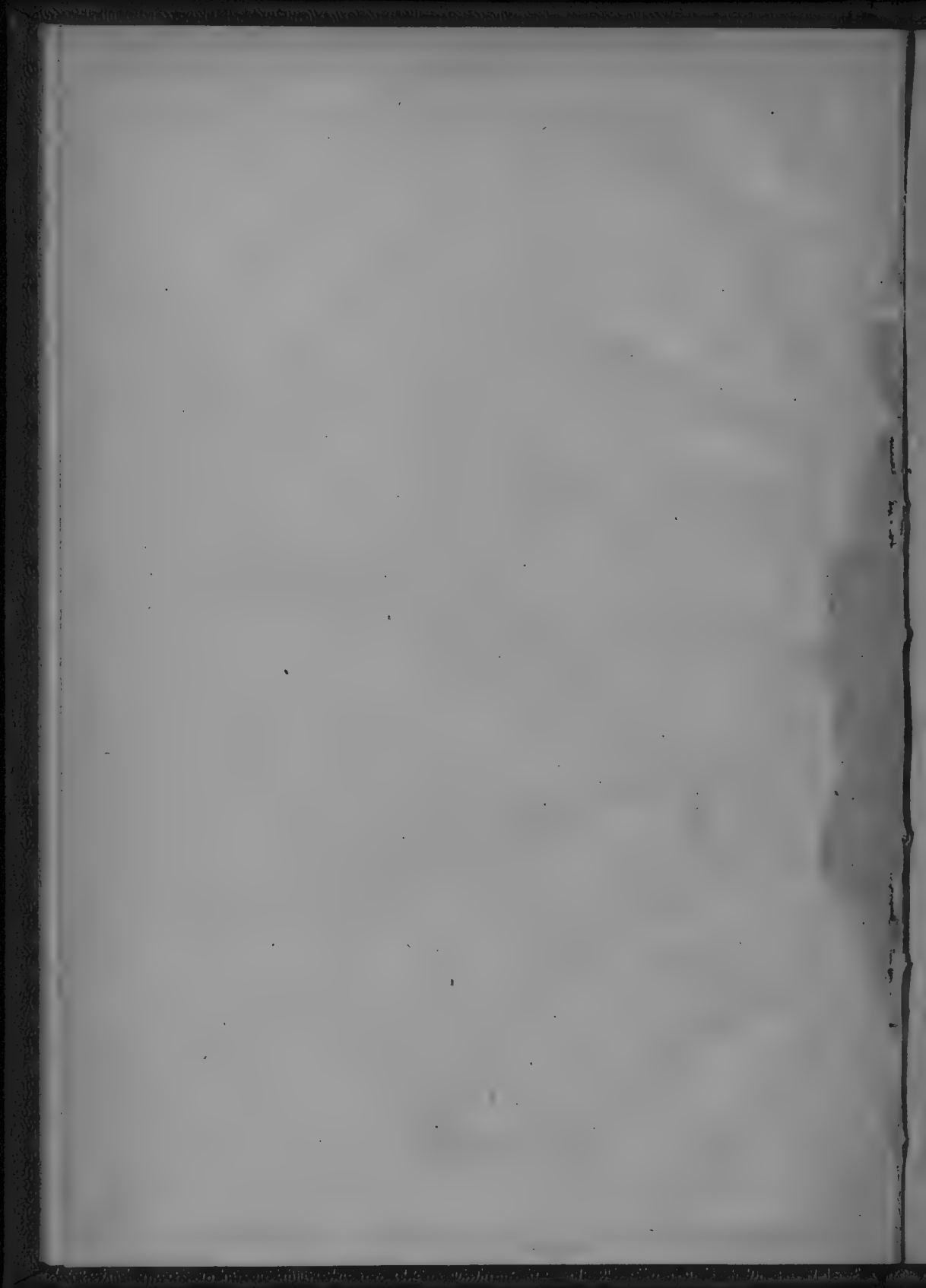
Всѣ тѣ, которые говорили мнѣ о немъ, утверждали, что онъ былъ очень мало озабоченъ тѣмъ, что вокругъ него происходило. Онъ уходилъ въ свою работу съ головой и, хотя казался спокойнымъ, но, очевидно, ничѣмъ не могъ отвлечься отъ мысли о ней. На женщинъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ, онъ смотрѣлъ исключительно, какъ на товарищессу по работѣ, и не только не былъ съ ними любезенъ, но, вѣрнѣе, никакого вниманія не обращалъ на нихъ. Не только не вмѣшивался въ квартирныя хозяйскія дѣла, но даже свою комнату и свое бѣлье никогда не убиралъ и требовалъ чтобы все нужное было готово и подано во время, нисколько не входя въ положеніе своихъ импровизированныхъ хозяекъ и кухарокъ....

Одна мысль владѣла имъ: необходимость дать могучее орудіе въ руки борцовъ. Онъ всего себя посвятилъ этому дѣлу и, выполнивъ свою задачу, спокойно простился съ жизнью...

Ек. Брешковская.

ИЗДАНІЯ

Партіи Соціалистовъ-Револуціонеровъ

И

Аграрно-Соціалістической Лиги.

(НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА).

1.	Какъ министръ заботится о крестьянахъ.	1.000 экз.
	Издание 1-ое	1.000 экз.
	Издание 2-ое	3.000 "
2.	Какъ венгерскіе крестьяне боролись за свои права	1.000 "
3.	Крестьянскіе союзы въ Сициліи. 1-ое изд.	2.000 "
	" " " " 2-ое изд.	10.000 "
4.	Бесѣды о землѣ. 1-ое издание	2.000 "
	" " 2-ое издание	10.000 "
5.	Рѣзказы изъ русской исторіи, ч. I. изд. 1-ое	2.000 "
	" " " " изд. 2-ое	5.000 "
6.	Долой полицію	4.000 "
7.	Воля царская и воля народная	4.000 "
8.	Голодъ и самодержавіе	4.000 "
9.	Царское правительство и рабочій народъ	10.000 "
10.	За вѣру, царя и отечество. Разказъ Ивана Вольнаго	10.000 "
11.	За Волю и Землю	10.000 "
12.	Сказаніе о несправедливомъ царѣ Ф. Волховскаго	10.000 "
13.	Разказы изъ русской исторіи, ч. II	10.000 "
Очередной вопросъ революціоннаго дѣла въ Россіи		
	Издание 1-ое и 2-ое по	1.000 "

По вѣсѣмъ дѣламъ, касающимся Аграрно-Соціалистической Лиги просятъ обращаться по слѣдующимъ адресамъ: V. Schitlovsky, 35, Zieglerstrasse, Bern, Suisse; E. Roubanovitch, 50¹ rue Lhomond, Paris; F. Volkhovsky, 47, Tunley Road, Tooting, London W. S.; M. Terechkowitch, 74, rue de Jupille, Liège (Bressoux), Belgique.

Изданія Партіи Соціалистовъ-Револуціонеровъ.

1.	Реформа Ванновскаго	2.000	экз.
2.	19-ое февраля	2.000	"
3.	Вторая Воля	2.000	"
4.	Долой самодержавіе!	3.000	"
5.	Красное знамя (первомайскій сборникъ)	5.000	"
6.	О податяхъ и налогахъ	2.000	"
7.	Отчего студенты бунтуютъ	1.000	"
8.	Откуда пошло крестьянское раззоренье	500	"
9.	Царь-Голодъ	10.000	"
10.	Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго со- ціализма въ Россіи	5.000	"
11.	Неужели такъ надо?	2.000	"
12.	Ко всему русскому крестьянству. 1 и 2-изд. по	10.000	"
13.	Террористическій элементъ въ нашей про- граммѣ (отдѣльный оттискъ изъ "Рев. Россіи").	5.000	"
14.	Памяти С. В. Балмашева	5.000	"
15.	Народный герой (Ө. К. Качуръ)	15.000	"
16.	Батумское кровопролитіе	10.000	"
17.	Эволюція русской соціалистической мысли (отдѣльный оттискъ изъ Вѣстника Рус- ской Революціи)	2.000	"
18.	Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости	1.000	"
19.	Несправедливое устройство русскаго госу- дарства. (Изд. Крест. Союза).	10.000	"
20.	Демонстранты передъ судомъ	5.000	"
21.	Солдатскій подвигъ. Разск. К. Миронова	10.000	"
22.	Помогайте вольной печати	3.000	"
23.	Къ крестьянскому вопросу. А. Рудина.	2.000	"
24.	С. М. Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ. Л. Шишко	2.000	"
25.	Липочка-поповна, разск. І. Новокрещенскаго.	20.000	"
26.	Кризисъ и безработица	5.000	"
27.	На работѣ, разсказъ К. Миронова	5.000	"
28.	Новое крѣпостное право	5.000	"
29.	За хлѣбъ и землю!	5.000	"
30.	Ростовскія событія	2.000	"
31.	Хитрая механика.	10.000	"
32.	С. Л. Перовская	5.000	"
33.	А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи, съ прим. Л. Э. Шишко. Вып. І.	5.000	"
34.	Къ солдатамъ отъ рабочихъ соціал.-револ.	10.000	"
35.	Соціализмъ и І-ое мая	5.000	"
36.	Н. И. Кибальчичъ	5.000	"
37.	Царская милость	5.000	"

